

ТЕОНА РЭЙ
ЛИЛИЯ ОРЛАНД

ВЕДУНЬЯ
СУРОВОГО
КРАЯ

Теона Рэй

Ведунья сурового края

«Автор»

«Автор»

2026

Рэй Т.

Ведунья сурового края / Т. Рэй — «Автор», «Автор», 2026

Мой брак оказался сущим кошмаром. Когда муж в насмешку продал меня своему другу, я решилась бежать. Зимней ночью, без денег, в никуда. Но мне повезло — меня приютила одинокая старушка. Она научит меня зарабатывать на хлеб травничеством, а еще — защищать деревню от опасных существ. Жизнь в маленьком поселении непростая. Я научусь лечить других, но кто исцелит мое разбитое сердце? Разве что мрачный, молчаливый охотник с ясными, как чистое небо, глазами.

© Рэй Т., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	23
ГЛАВА 6	28
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Теона Рэй, Лилия Орланд

Ведунья сурового края

Ведунья сурового края

ГЛАВА 1

Муж толкнул меня в плечо, чтобы пошевеливалась. Я провалилась по колено в рыхлый снег, но сжала зубы и шагнула вперед.

Мороз щипал щеки и нос, инеем оседал на ресницах — слишком холодно для охоты, но Роберту было все равно. Сам он одет в теплый полушубок, высокие валенки и меховые рукавицы, на мне же только городское пальто и сапожки из тонкой кожи. Я все время спотыкалась и падала, но муж лишь усмехался. Его забавляла моя неуклюжесть.

— Как далеко? — спросила я негромко, надеясь, что слух Роберта не уловит усталость в моем голосе.

В ответ он снова меня пихнул.

— Шагай уже, клуша.

В кустах что-то мелькнуло, с веток посыпался снег. Роберт вскинул ружье, а я мгновенно зажала уши: звук выстрела обычно оглушал, потом в голове еще долго звенело.

Заяц в пушистой бело-серой шубке остался лежать под кустом, круглые глаза остекленели. Роберт подошел к тушке, пнул носком сапога, проверяя.

— Ну, — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Ближе иди.

— Зачем?.. — Мой голос дрогнул.

Роберт молча протянул мне нож, я машинально взяла его за рукоять — холодный, тяжелый. Уставилась на острое лезвие с ужасом, недоверчиво посмотрела на мужа. Он не шутил, когда говорил, что собирается учить меня охоте.

Мне пришлось подавить желание с отвращением бросить нож, я сжала рукоять еще крепче. Роберту не понравится, если я вздумаю ему перечить. Тогда на месте этого зайца могу оказаться я сама.

Муж закатил глаза, потер бороду.

— Живей давай! Тушу нужно сразу освежевать. Для начала на вот. — Он снял с плеча моток веревки, швырнул мне под ноги. — Бери за задние лапы, подвешивай к дереву. Потом все, как я тебе показывал... Чего скулишь?

Я сжала челюсти, быстро вытерла рукавом мокрые щеки. Ничего не могла с собой поделаться, слезы сами лились. Я знала, конечно, что на охоте убивают животных и что их мясо потом едят за обедом. Но одно дело — знать, и совсем другое — видеть своими глазами. А потом сдирать шкурку с еще теплого тельца.

Роберт много раз говорил: ему не нравится, что я возомнила себя какой-то леди, и «пора бы научить меня». Вот и начал учить.

Руки у меня дрожали, но не от холода. Кое-как я сумела привязать зайца к ветке за лапы.

— Прости меня, — прошептала еле слышно, а затем вонзила нож в незащитное тельце.

От звука, с которым вспарывалась кожа, мне подурнело. Я почувствовала, как закружилась голова. Взмахнула рукой, но удержаться было не за что. Упала на колени в снег.

— Вставай, клуша! — рыкнул муж. — Тебе не удастся разжалобить меня этим спектаклем.

Я с трудом поднялась. И, не заботясь о том, чтобы вытряхнуть снег из сапожек, продолжила освежевание. Мне понадобилось много времени, чтобы все сделать как надо.

Роберт загоготал, когда я все-таки отбросила нож и склонилась у куста, почувствовав тошноту. Я вытерла губы тыльной стороной ладони, забыв о крови на руках, потом вспомнила и принялась с ожесточением тереть запачканное лицо уголком шарфа.

— Возвращаемся, — рыкнул Роберт. Я не двинулась с места, хоть и знала, чем грозит непослушание. — Оглохла?

Очередной тычок в плечо — больно, но Роберт всегда рассчитывал силу, чтобы не оставить на мне синяков. Для окружающих мы были идеальной парой, примерными супругами, безумно любящими друг друга.

И никто даже не догадывался, как сильно я мечтаю сбежать.

Он вел меня назад к охотничьему домику через заснеженный лес, напевая что-то себе под нос. Время от времени толкал меня, когда я замедляла шаг. А я судорожно осматривалась и фантазировала: вот сейчас брошусь вправо, укроюсь за кустарником, дальше скачусь с горки и побегу по дороге, чтобы скрыть следы.

Я знала, что побег неосуществим. Не успею пробежать и нескольких метров — застрелит. Однако я не могла не мечтать об этом.

Из-за деревьев показалась деревянная крыша и каминные трубы. Муж называл этот дом избой, но сложно было представить избу в два этажа с двенадцатью спальнями. Усадьба когда-то принадлежала мне — досталась в наследство от матери. Роберт так радовался ей. Еще перед началом нашей семейной жизни все говорил, что мы будем приезжать сюда с детьми, проводить в лесу праздники. Он рисовал нашу совместную жизнь такой сказочной, что я не могла дождаться, когда же на моем пальце появится обручальное кольцо...

Оно появилось и стало для меня удавкой. Какая ирония!

Сейчас в усадьбе живет брат Роберта, а мой муж приезжает сюда на охоту. В этот раз он взял с собой и меня: ему не терпелось поглумиться надо мной перед братом и друзьями.

Друзьями Роберт называл шумную компанию молодых людей, с которыми был едва знаком. Однако их происхождение являлось предметом его зависти и тайного желания возвыситься. Сам Роберт не был аристократом по рождению и ежедневно мстил мне за это, придумывая все новые унижения, и называл это уроками реальной жизни.

Правда, прежде подобное случалось лишь наедине. Теперь же супруг решил, что пора бы поиздеваться надо мной прилюдно.

Компания молодых аристократов подходила для этого как нельзя лучше. Многие с радостью подхватили инициативу и вместе с мужем надо мной смеялись. Я была зажатой, испуганной, ну точно трусливый заяц. До меня не сразу дошло, что Роберту доставляет удовольствие видеть мой страх.

— Эгей! — заорал Роберт, едва мы вошли во двор. Кричать приходилось поверх забора: калитка была заметена, и расчищать ее никто не спешил.

— Эгей! — крикнул ему в ответ из открытого окна один из приглашенных — гадкий блондин. — Смотрю, твоя супруга была не прочь поохотиться? Что чумазая такая, эй?

Я не запомнила их имен. Да и лица по большей части слились в нечто острозубое и скалящееся, отпускающее уничижительные шутки на мой счет. Только этого блондина запомнила, потому что вчера он позволил себе перейти от слов к делу. Бросил передо мной тряпку и велел вытереть его сапоги.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — сквозь зубы прошипел Роберт, ткнув пальцем в спину.

Я растянула губы в подобии улыбки.

— Интересный опыт, — пробормотала я. — Но все же охота — мужское занятие.

И муж, и блондин весело загоготали.

В светлом бревенчатом доме, где я провела всю свою жизнь, теперь царил темнота. За несколько месяцев новые жильцы, которых я бы никогда сюда не пустила, закоптили потолки, замызгали шторы и скатерти, разбили несколько напольных ваз и статуэток. На роскошном кожаном диване издали был виден длинный разрез, из него торчали пружины и клочки набивки. Комнатные цветы давно засохли, да так и остались стоять в горшках символами упадка и запустения. Под одно из кресел вместо сломанной ножки подставили полено.

Уют исчез, эта усадьба перестала быть такой прелестной, какой была до нашей с Робертом свадьбы.

Я неспешно разделась в передней. Аккуратно повесила пальто. Поставила сапоги на полку для обуви, сменив их на домашние туфли.

Роберт уже хохотал со своими друзьями в гостиной. Нанятая мужем неопрятная служанка понесла мешок с зайцем в кухню. Из прежней прислуги никого не осталось. Супруг первым делом уволил всех, кто считал меня госпожой, а его проходимцем.

Я юркнула в ванную комнату, которая находилась здесь же, у выхода, закрылась и наконец дала волю слезам. Плакала тихо. С Роберта станется подслушать под дверь, а потом рассказывать в гостиной о моих горестных завываниях над трупиком зайца.

Стянула платье. Супруг лишил меня горничной и распродал весь мой гардероб со словами: «Тебе это больше не нужно». Взамен он купил мне простую одежду, с которой я могла справиться без помощи служанки. В основном вещи были поношенными, зимние чулки — и вовсе залатанными. Тем не менее Роберт не упускал случая напомнить, что он меня полностью одел и обул. И я — неблагодарная тварь, раз смею жаловаться и просить что-то еще. Больше о зимней одежде я не заговаривала, так и носила единственное пальто и дождливой осенью, и морозной зимой.

Зато обручальные кольца у нас были дорогие, красивые, с драгоценными камнями — они продаются парами, а Роберт никогда бы не надел себе на палец дешевую подделку. По крайней мере именно так он стал изъясняться, получив доступ к моим деньгам.

Сейчас я даже испытывала благодарность к мужу за это дорогое кольцо, оно станет отличным подспорьем, когда я решусь на побег. Я все еще коплю деньги, по медяку, иногда по серебряной монете — откладывая в тайник под полом в нашем городском доме. Временами я отпрашиваюсь на рынок, торгуюсь там, насколько возможно, а сэкономленное прячу.

Грохот смеха в гостиной заставил меня подпрыгнуть. Они всегда так смеются, да и разговаривают вызывающе громко, отчего звенит в ушах. И не скажешь, что отпрыски благородных семей.

Если бы я когда-то завела таких друзей, маму хватил бы удар. К счастью, она уже не может видеть, с кем мне приходится иметь дело.

Я отмывалась холодной водой из бочки, пока кожа не начала скрипеть от чистоты, старалась стереть каждую каплю заячьей крови. Потом застирала пятна на пальто и юбке. Высохнут нескоро, благо есть запасная одежда.

Нужно было как-то добраться до спальни, чтобы одеться в чистое и сухое. Халата я не нашла, пришлось завернуться в полотенце. Если Роберт заметит меня, он будет недоволен, что я посмела выйти в таком виде, но у меня не было выбора.

Я осторожно выглянула за дверь, дождалась, когда никто не будет смотреть в сторону ванной, и выскользнула в коридор. До лестницы оставалось два шага, там меня бы скрыл спасительный полумрак, когда из кухни вышла служанка. Похоже, мы обе следили за происходящим в гостиной, потому что не заметили друг друга и столкнулись. Из рук служанки выпал поднос, посуда зазвенела, разбиваясь на осколки и обращая на нас внимание гостей.

ГЛАВА 2

Служанка бросилась обратно в кухню, я осталась одна у подножия лестницы. Я понимала, что меня не просто увидели, но и хорошенько разглядели. Испепеляющий взгляд мужа пригвоздил меня к месту.

Дрожащими руками я стиснула края полотенца на груди. Роберт шагнул ко мне медленно, неторопливо, как хищник, прекрасно осознающий, что жертве некуда бежать.

— Шлюха! — Он с размаху ударил меня по щеке.

Голова дернулась, меня отбросило на перила. Деревянное основание воткнулось мне между лопатками. Я охнула от боли, взмахнула руками, чтобы сохранить равновесие. Узел на полотенце, больше ничем не удерживаемый, развязался, позволяя пушистой ткани соскользнуть вниз.

Осознание произошедшего словно окатило меня ледяной водой. Никогда прежде я и близко не сталкивалась с таким унижением.

Я нагнулась, чтобы подхватить полотенце, но Роберт оказался быстрее. Ему понравилось, что я стою обнаженной на глазах у его друзей? Роберт и прежде поднимал на меня руку, но он бы никогда не позволил ни одному мужчине увидеть меня обнаженной!

— Господа! — провозгласил он. — Взгляните на мою дражайшую супругу. Раньше я только подозревал, что она мечтает о других мужчинах. Однако это представление не оставило у меня сомнений.

Муж указал на меня, скрючившуюся, пытавшуюся прикрыть наготу ладонями. Мою попытку сбежать под одобрительные крики и улюлюканье Роберт пресек, выставив ногу и прижав меня бедром к перилам.

— Я не могу больше препятствовать ее желаниям и готов их исполнить. Сегодня ночью один из вас получит возможность порадовать мою милую Алику. Но мне как супругу, страдающему от неверности жены, должно полагаться поощрение. Вы согласны?

— Согласны!

— Конечно!

— Чего ты хочешь, Роб?!

Я ощущала их жадные, липкие взгляды, скользящие по моему телу. Ужас теснился в груди, перекрывал горло, затруднял дыхание. Однако я знала, что умолять Роберта бесполезно. Если он решил отдать меня на потеху своим друзьям, он это сделает. Мои слезы и мольбы лишь доставят ему дополнительное удовольствие.

— Денежную компенсацию, разумеется. Должно же что-то покрыть мой моральный ущерб, ведь не каждый день жена мне изменяет.

Его слова вызвали новый взрыв хохота.

— Пятьдесят золотых хватит за поруганную честь? — спросил кто-то, и остальные загоготали.

— Ну что ты, Грон! — Муж скорчил обиженную гримасу.

Однако я хорошо его знала. Сейчас он чувствовал триумф и наслаждался вниманием к своей персоне.

— Мы устроим аукцион, и пятьдесят золотых будут стартовой ценой, раз уж предложил.

— Можно тогда посмотреть товар со всех сторон? А то мало ли — вдруг сзади плоско?

В гостиной собрались не люди. Это дикие звери, готовые меня растерзать. Роберт позволит им это сделать, еще и получит деньги за мой позор.

Я перестала сдерживать слезы. Горячие капли проложили дорожки по щекам и текли вниз по коже, но благодаря им я не замечала хищных взглядов.

Роберт больно схватил меня за локоть, заставил повернуться боком и задом.

— Итак, аукцион на обладание моей супругой сегодняшней ночью объявляю открытым! Стартовая цена — пятьдесят золотых. Кто даст больше?!

— Шестьдесят! — предложил один из уродов.

— Сто! — выкрикнул другой.

— Сто пятьдесят!

Ни жива ни мертва, я застыла на месте. Шок лишил меня возможности двигаться. Ставки все росли. У присутствующих мужчин денег было немерено, что для них — потратить несколько годовых зарплат какой-нибудь служанки на развлечение?

— Тысяча двести золотых — раз. Тысяча двести золотых — два. Тысяча двести золотых — три! Продано Максимилиану Герду! — прокричал муж, вздергивая мою руку вверх, словно я выиграла состязание и теперь получу приз. — Макс, поздравляю, эту ночь с полуночи и до шести часов утра ты проведешь с моей драгоценной Аликой. Доступ в спальню получишь сразу после того, как выпишешь мне чек на эту сумму.

— Шесть часов? — спросил кто-то. — Да ему минуты хватит!

Снова загоготали.

— Макс, через шесть минут поменяемся? — предложил кто-то еще. — Я дам тебе свою борзую на время охоты.

— А что, обмен вполне равноценный.

Муж потянул меня на лестницу.

— Иди, дорогая, в спальню, подготовься к ночи, — мягко, почти ласково произнес Роберт, а затем больно сжал мое запястье, прошепав: — И смотри, не вздумай подвести меня. Иначе все, что было прежде, покажется тебе забавной шуткой по сравнению с тем, что я устрою в будущем.

Я взбежала по ступенькам, захлопнула за собой дверь, задвинула засов и сползла на пол. Теперь я уже разрыдалась в голос, не сдерживаясь. Мой собственный муж продал меня постороннему мужчине. Этой ночью чужак войдет ко мне в спальню и будет делать со мной все, что пожелает.

Разве можно быть таким чудовищем? За что он так со мной? Я не сделала Роберту ничего плохого, чтобы так надо мной издеваться!

Торопливый стук заставил меня вскочить. Я стояла напротив двери без движения, надеясь, что незванный гость уйдет. Но стук раздался снова.

— Кто там? — спросила я охрипшим голосом.

Только бы не Макс. До полуночи еще есть время. Я бросила взгляд на часы на камине — у меня есть еще семь часов.

— Марта, — раздалось из-за двери. — Мне велели принести вам обед в спальню.

Служанка. Облегчение было почти физически ощутимым. Обед — это хорошо. Мне понадобятся силы, чтобы осуществить дерзкий план, возникший в голове только что.

Я закуталась в халат и отодвинула засов. Марта старалась не смотреть на меня. Она составила посуду на стол, забрала поднос и, склонив голову, быстро зашагала к двери.

Сегодня мне удалось съесть лишь две гренки с чаем. Это было рано утром, когда мы с Робертом собирались на охоту. Тогда я и подумать не могла, что день так ужасно завершится. Сейчас я ела торопливо, наплевав на приличия, которым следовала почти двадцать лет. Приличия и добропорядочность мне не помогли, теперь нужны другие качества. Те, которые помогут сбежать от жестокого мужа и выжить в незнакомом мире.

Я сбегу сегодня. Иного выбора у меня нет. Потакать чудовищным прихотям Роберта я не собираюсь. Я все могла вынести: и побои, и оскорбления, но лечь под его друга — ни за что.

Я мерила шагами спальню, попутно рассматривая ее, словно в первый раз. Раздумывала, что из находящихся тут вещей может мне помочь. Широкая кровать под балдахинном, пол,

усланный темным узорчатым ковром. Окна занимают почти всю стену, из-за чего зимой приходится топить камин круглосуточно. Мой взгляд упал на кочергу. Нет, не смогу...

Брак с Робертом стал счастьем всей моей жизни, исполнившейся мечтой наивной девушки. Я безумно его любила. Или думала, что любила? В первые два месяца от знакомства до свадьбы. Через день после бракосочетания мы получили на руки документы о том, что все мое имущество и банковский счет переходят в безраздельное пользование моего мужа. И тогда я поняла, как сильно в нем ошиблась.

Какая же я дура! Как можно было не увидеть в человеке склонности к садизму? В мгновение став невероятно богатым благодаря моему наследству, Роберт уехал на неделю к друзьям. А когда вернулся, все в нашей жизни изменилось. Поначалу в его обращении со мной появился сарказм, потом насмешки, потом он начал распускать руки. Прошло несколько недель, и вот, он уже продал меня другу...

Да нет, он просто грязно пошутил. Роберт жестокий человек, но не до такой степени. Он ни за что не позволит Максимилиану войти в мою спальню, не позволит!

Видела бы меня моя покойная мама, она сошла бы с ума! Имея счет в банке, на котором лежит колоссальная сумма, я не могу получить с него ни медяка — не такого мама хотела для меня.

От очередного стука в дверь я подпрыгнула, сердце заколотилось с утроенной силой.

— Впустите, мне приказали собрать вас.

Марта. Всего лишь Марта. На ватных ногах я добралась до двери, впустила служанку и заперла за ней.

— Мне приказали помочь вам собраться, — повторила она.

— Стой! — Я схватила ее за руку, не рассчитав силу, впила ногтями в кожу. Служанка ахнула, подняла на меня взгляд. — Куда собраться?

— Подготовиться к ночи, — поправилась Марта, зардевшись. — Ну, понимаете...

— Так он это серьезно?!

— Боюсь, что так. Не волнуйтесь, я помогу вам. — Служанка полезла в карман фартука и дрожащей рукой вытащила оттуда зеленый флакончик. — Вот, возьмите. Это настойка против... ну, чтобы вы не понесли от... Простите. Ваш супруг не обрадуется ребенку от другого.

— Издеваешься?

— Что вы! Ваш муж — мой хозяин. Если он меня уволит, мне некуда будет пойти. Я сирота, выживала на улице многие месяцы, а теперь не голодаю и не сплю под открытым небом. Я не хочу терять эту работу, но при этом мне жаль вас. Возьмите флакон, выпейте.

Я указала Марте на выход. Наверное, в моих глазах полыхала такая ярость, что служанка испугалась. Она ретировалась, плотно прикрыв за собой дверь.

ГЛАВА 3

Всех моих накоплений пока не хватит на самостоятельную жизнь, к тому же с собой в усадьбу я их не взяла. До того, как мое наследство перешло Роберту, я даже не помышляла о том, чтобы что-то отложить. Он сдувал с меня пылинки, носил на руках, я буквально млела от счастья. У меня не было и мысли, что меня предадут.

Роберт не стал выделять мне денег с моего счета... Точнее, уже с его счета. Все мои драгоценности он положил в банк, сказал, что там они будут в сохранности. На мой вопрос: «Что же я буду носить?» Роберт ухмыльнулся и бросил: «Ты все равно некрасива, украшения не придадут тебе и капли привлекательности».

Это был первый раз, когда он меня унизил. Меня тогда словно обухом по голове ударили, но я решила, что Роберт просто в плохом настроении...

Мама не воспитывала меня такой глупой гусыней. Как я ею стала?

В голове билась мысль: бежать, бежать, бежать! Прямо сейчас. Но куда и как? Мы посреди такого леса, по которому в темноте и без оружия лучше не ходить.

Я схватила с тарелки нож для масла. Лезвие тупое, таким себя не защитишь. Не от Роберта, конечно, а от диких животных, которые водятся в этих лесах. Роберт, я надеюсь, за мной не последует. Ему и в голову не придет, что я решилась на побег. Все месяцы, что мы знакомы, он видел меня хрупкой и слабой, способной разве что сжимать кулаки в бессильной злобе...

Королевский тракт тянулся до Грельска, ближайшего к усадьбе города. До него почти десять верст, но другого выхода я не вижу. В городе можно продать обручальное кольцо. Ничего, как-нибудь справлюсь. Если повезет и попадетсся честный ювелир, он даст хорошую цену. Даже половины стоимости мне хватит на месяц или два скромной жизни. И попробую найти работу, пусть даже служанкой.

А если и умру посреди дороги, замерзну насмерть, это все равно лучше, чем то, что ждет меня этой ночью.

Я надела все, что нашла в чемодане: вязаные чулки, плотную сорочку, теплое платье простого кроя. Пальто осталось в ванной внизу, другого у меня не было. Зато было пальто мужа... Не раздумывая, я вытащила его из шкафа, примерила — большое, но я ведь не в свет выхожу. Шаль из пушистого кроличьего меха заменила мне шапку и шарф. Из мужниной обуви я выбрала высокие сапоги — они мне велики, но это лучше, чем остаться в домашних тапках. Я вспотела, пока одевалась, но бежать еще было не время: слишком светло.

Примерив одежду, я сняла ее и сунула под кровать. Все время смотрела на часы — минутная стрелка мчалась по циферблату со скоростью секундной. По крайней мере мне казалось именно так.

— Дорога-а-ая!

Я со злостью уставилась на дверь.

— Еще только пять часов! Пришел поиздеваться? Тебе не хватило?

— Ну что ты, — ответил муж елейным голосом. — Хотел лишь справиться о твоём настроении. Ты должна быть весела и задорна, не вздумай реветь или, не приведи Всевышний, кусаться.

— Зачем ты это делаешь? Мы же любили друг друга, Роберт!

Не любили. Я и сказала это только для того, чтобы усыпить его бдительность. Пусть думает, что я в слезах не нахожу себе места, лишь бы не догадался о моем плане.

— Я тебя никогда не любил, вот еще выдумала. В общем, нет у меня никакого желания с тобой беседовать, а завтра ты мне уже станешь не нужна. Ни один приличный мужчина не

будет жить с той, кто изменил ему на его глазах. Я продавал тебя на аукционе, а ты ни разу не пикнула. Настолько плевать на свою честь или ты была рада попробовать кого-то еще?

— Да что ты несешь?!

— Что видел и слышал, о том и говорю. Ты и рта не раскрыла, ни слова в свою защиту не произнесла. Еще в день нашего знакомства я понял, что такой, как ты, можно с легкостью помыкать. Все исполнишь, на все согласишься. Мерзость.

Роберт, судя по звуку, сплюнул. Я обняла себя руками, на миг зажмурилась, прогоняя слезы.

— Задумаешь навредить Макс, — продолжил Роберт, — и завтра на охоте произойдет несчастный случай. Скажу всем, что ты сама на клинок напоролась — это обычное дело среди таких неумех, как ты. Баба пошла на вепря! Никому и в голову не придет, что я в чем-то виноват.

Муж помолчал с минуту, а потом я услышала удаляющиеся шаги.

Завтра меня здесь уже не будет. Злорадствуй, Роберт, сколько угодно. Я положу жизнь на то, чтобы убраться от тебя подальше. Замерзнуть в лесу не страшно, встретить по пути дикого зверя — тоже. Лучше уж погибнуть от лап медведя-шатуна, чем от твоих рук.

Я села у окна, ждать. Сумерки опустились внезапно для меня, и, пока совсем не стемнело, я оделась в приготовленные заранее теплые вещи. Не припомню, чтобы я хоть раз в своей жизни отправлялась в дорогу одна, пешком, а не в карете. Разве что когда приехала погостить к отцу, а он меня прогнал... Нет, тот вечер тоже не считается — я почти сразу нашла повозку и уехала назад, к маме.

С первого этажа доносился хохот. Кто-то чем-то гремел, вдруг зазвенело стекло. Я тихонько приоткрыла створку окна, с волнением вдохнула морозный воздух. Под окном спальни находится кухня, и если служанка не там, то меня никто не заметит. Где может быть Марта в такой час? Или прислуживает в гостиной, или занимается стиркой.

В мужнином пальто и сапогах я чувствовала себя некомфортно. Рукава пришлось закатать, а на сапогах крепко затянуть шнуровку, чтобы не сползали.

Я дождалась, когда часовая стрелка минует восемь, и перекинула ногу через подоконник. Осторожно вылезла, кое-как балансируя на карнизе, прикрыла створку и кулем рухнула в сугроб.

Надо было вставать и мчаться что есть мочи, но я ринулась к стене дома и выжидающе затихла. Если кто-то меня заметил, то мне будет проще объяснить, что я хотела подышать воздухом на улице, но не видеть друзей Роберта. А вот если меня поймут по пути к дороге...

Несколько минут ничего не происходило, и я решилась. Сделала шаг, второй, воровато оглянулась и припустила к ближайшим деревьям. Сердце колотилось где-то в горле, живот скрутило от напряжения. Я проваливалась, выбиралась и бежала, пока не запылали легкие.

Дом остался далеко позади. В просвете между деревьями в лунном свете виднелась насыпь. Мне нужно туда, на дорогу. По ней я смогу передвигаться куда быстрее, чем по лесу. Если за мной не пустят собак. Впрочем, у меня есть еще четыре часа. Или три. Да, наверное, за час до назначенного времени Роберт захочет меня проверить и обнаружит, что я пропала.

Над головой ухнул филин. От мороза где-то рядом треснула ветка. Каждый звук ночного леса заставлял меня на миг застыть от страха.

Я вышла к дороге и зашагала по обочине так быстро, как только могла. Постоянно оглядывалась, страшась увидеть фонари или услышать лай гончих. Может, я заснула и мне снится мой счастливый побег? Я ущипнула себя за запястье ледяными пальцами и только сейчас вспомнила, что не прихватила варежки. Зато в кармане лежал нож для масла — как насмешка для зверья. Кого я им одолею?

С каждым шагом моя уверенность в собственных силах слабела. Становилось все холоднее. В больших, тяжелых сапогах идти было сложно, того и гляди споткнешься. Хорошее, доро-

гое пальто Роберта согревало какое-то время, пока я двигалась быстро, но когда сбавила шаг, тело начало остывать. Из рта вырывались клубы пара, на ресницах оседал иней. Я плотнее завязала шерстяную шаль на голове, прикрыла уголком рот.

На сколько меня хватит? До Грельска далеко, но я была уверена, что сумею добраться до города пешком. Наивная. Наивная и глупая.

Я прятала руки в карманах, то и дело дышала на замерзшие пальцы. Вскоре начала дрожать всем телом. В ногах появилась слабость, я хотела присесть прямо на дороге и перевести дух, но не рискнула.

Может быть, стоило остаться? Подумаешь, одна ночь с мужчиной... Пережила бы как-нибудь, потом вернулась домой с мужем и уже там, забрав накопленные деньги, сбежала. Несколько часов позора с Максимилианом не убили бы меня, а вот мороз по дороге — запросто. Да, я была готова умереть, лишь бы не дать Максиму дотронуться до себя, но сейчас я уже не была согласна на смерть. Эмоции немного схлынули, разум прояснился. Повернуть назад я не могу: Роберт изобьет меня, я в этом не сомневалась.

Я остановилась на минутку. Осмотрелась. Лесок, в котором находилась усадьба, остался за спиной, теперь с обеих сторон от дороги до самого горизонта тянулись поля. Яркие звезды и полная луна освещали путь достаточно, чтобы видеть, куда идти. Также этого света хватило бы, чтобы заметить меня издали. Если Роберт погонится за мной — точнее, когда погонится, — он без труда увидит мой силуэт.

В звенящей ночной тишине послышался скрип колес. По спине пробежала толпа мурашек, я метнулась влево, к высокому заносу, спряталась на обочине за ним. Успокоившееся было сердце заколотилось как сумасшедшее. Меня бросило в жар от страха. Из укрытия я видела движущуюся по дороге черную точку, она приближалась все быстрее и вскоре обрела очертания: карета, запряженная четырьмя лошадьми. Она не принадлежала ни Роберту, ни его друзьям — за мной они отправились бы верхом.

Когда карета приблизилась, я чуть было не завопила от радости. Как счастлива я была, осознав, что сам Всевышний послал мне почтовую карету! Не думая, я выскочила из-за заноса. Послышалось усталое «Тпру!», и лошади встали.

Я бросилась к почтальону. Понимая, что у меня нет ни монеты на проезд, я все же надеялась напроситься довезти меня до города. Ночь, холод, я одна посреди дороги — ну кто откажет в помощи?

Почтальон — пожилой мужичок, закутанный в старые меха и кожу, — окинул меня встревоженным взглядом. На его месте и я бы разволновалась, встретив путницу вдали от жилых домов.

— И давно ты так идешь? — спросил он.

— Давно, — выдохнула я. — Пожалуйста, подвезите меня. Вы же в сторону Грельска едете?

— А куда ж еще? Обычно я беру серебряную, но тут уж половина пути осталась, так что условимся на пятидесяти медяках.

Я подышала на пальцы. Вдруг стало стыдно кланчить помощь, но, засунув гордость в самый дальний уголок души, я проямлила:

— У меня денег нет. Прошу вас... Я ведь замерзну.

Только бы слезы не покатались — мгновенно застынут сосульками на щеках.

Почтальон недовольно крякнул, пригладил сверкающие инеем усы.

— Полна карета, некуда тебя посадить. Без денег не могу, сама понимаешь.

— А с вами? — Я стала притопывать на месте, ноги подмерзли. — Пустите на козлы. Дяденька, я рук уже почти не чувствую!

— Да пусти ты ее! — раздался мужской голос из кареты — кто-то сдвинул шторку, прикрывающую окошечко. — Внутри некуда посадить, к себе возьми.

Почтальон молча мотнул головой, приглашая меня сесть.

— Спасибо, спасибо!

Я поскорее забралась на козлы, от переизбытка чувств стиснула локоть возницы. Пожилой мужичок в куче одежд подходил на шар, но по его узкому морщинистому лицу можно было догадаться, что сам он щедедушный. В случае, если он по какой-то причине захочет на меня напасть, я легко с ним справлюсь. В шубах он неповоротлив.

— Тебе прямо в Грельск или до Охотничьего? — Почтальон сильно замерз и едва шевелил губами. Пока я устраивалась поудобнее, карета двинулась дальше. — Холодища такая нынче, того и гляди весна не наступит.

— Наступит! — выдохнула я радостно. — Точно наступит. Я тоже в Грельск. Спасибо за вашу доброту, пешком я бы не добралась.

Я сбежала? Я сбежала! О боже, боже мой! Как я мечтала об этом моменте, неужели мне действительно хватило смелости на такой шаг? Да, все вышло не так, как я хотела. У меня совсем нет денег, нет сменной одежды, обуви, но меня это уже не волнует. Роберт больше никогда не оскорбит, не унизит, не ударит меня. Пусть подавится всем моим наследством и усадьбой. Я начну жизнь заново и обязательно стану счастливой.

— А почему же вы работаете ночью? — заинтересовалась я. — Неужели нельзя доставить письма в светлое время суток?

— Дорога занимает почти сутки. Летом я останавливаюсь на обочине, ночью и еду дальше уже засветло. Но в такой мороз где остановишься, там и останешься. Замерзнуть легко. Ты вот почему ночью идешь?

Что мне было ему ответить? Сказать правду я не могла: лишние свидетели мне ни к чему. Да и открывать душу первому встречному не хотелось, еще слишком болело в груди, чтобы делиться этой болью. Роберт оказался подонком, а я — глупой наивной мечтательницей, которая доверилась не тому. Хотя пример мамы должен был меня научить.

Сидя без движения, я начала замерзать еще сильнее. Пока шагала, было как-то легче, теперь меня всю трясло. Попросить у почтальона одну из шкур, в которые он укутывался, мне не хватало наглости: он едет уже долго, и впереди еще целая ночь пути.

Гарольд — так звали почтальона — зажал вожжи коленями, принялся вытаскивать что-то из-под сиденья.

— Молоко застыло, поди, — пробурчал он, развязывая мешок. — Ну конечно, куски льда вон. Сухари будешь?

В животе заурчало. Я бы и от молочного льда не отказалась, что уж говорить о сухарях. Гарольд протянул мне сухарь с куском сыра, все оказалось твердым как камень, но на лучшее рассчитывать не приходилось.

— Не убираю в карету, чтоб удобнее было перекусывать без остановок. Чем быстрее едешь, тем скорей в тепло попадешь, вот и спешу. Ты жуй, чего в руках вертишь? На морозе голодным быть нельзя, мерзнешь больше.

Я откусила от сыра, согрела кусочек во рту, прожевала. Сухарь приходилось мусолить, только потом кусать. Молоко мы пить не стали. Гарольд накрыл кувшин куском толстой шкуры в надежде, что лед немного подтает.

Лошади мчали прямо по дороге, колеса громыхали, из-за цокота копыт и грохота я не услышала бы погони. Часто оборачивалась, всматриваясь в залитый лунным светом тракт — не покажется ли на горизонте всадник?

Времени я не знала, спрашивать у почтальона не стала. Вообще лишний раз не заговаривала с ним, чтобы он не задавал ненужных вопросов. Я слушала его, кивала, развивала беседу на другие темы, все дальше уводя Гарольда от желания узнать побольше обо мне. Пару раз он все же спрашивал, не сбежала ли я от гневных хозяев или, может быть, бездомная.

Лучше ничего не отвечать, чем лгать: во лжи легко запутаться. К тому же нас слышали пассажиры в карете. Мала вероятность, что среди них окажется какой-нибудь знакомый Роберта, но чем черт не шутит.

— До рассвета прибудем в Грельск, — сказал почтальон. — Я там на станции тебя высажу. Куда пойдешь?

— Не беспокойтесь обо мне.

— Я и сам однажды так жизнь свою поменял. Был подмастерьем у обувщика, который меня бил. Пришлось бежать куда глаза глядят. Молод я был, горяч, рисковал не справиться с гневом и убить мастера. Приехал в Ижерск, нашел работу кое-как, да так и остался там. Потом уже ближе к пятидесяти годам почтальоном устроился, так и езжу из Ижерска до Грельска и обратно. Трудный путь, особенно весной и осенью, когда дороги размывает, зимой-то еще куда ни шло, а летом благодать. Ты вот из Ижерска, поди?

— Оттуда, — негромко ответила я, понимая, что всю правду до конца не утаить. — В гости я направляюсь.

— К родственникам?

— Угу.

— А у меня вот нет никого. — Гарольд тяжело вздохнул, шмыгнул носом. — Батю не знал, мать померла давно. Какие тетьки и дядьки были, никто мне не помог, жил с бабушкой. Бабки-то тоже не вечные, умерла она. Не женился — как-то не довелось. Любил одну, страсть как любил, а она за другого замуж вышла. Сказала, мол, дом у него есть, а у меня ничего. В любовь я с тех пор не верю. Да и прошли уж чувства, будто и не было их никогда. Ты молодая еще, любишь, поди, кого?

— Было дело.

— Не сошлись?

— Не получилось.

— Ну и не расстраивайся. Все у тебя еще впереди.

Какое-то время мы ехали в полнейшем молчании, думая каждый о своем. Мне казалось, что я любила Роберта, а теперь я не смогла бы ответить на этот вопрос. Не знаю, но, скорее всего, нет. Он явился в мою потемневшую после маминой смерти жизнь ярким лучом света, озарил ее, прогнал удушающую тоску и окружил такой заботой, какую мне давала только мать.

С зияющей дырой в душе я льнула к нему, он залечивал мои раны, успокаивал. Мама бы сказала, что я еще слишком молода и неопытна, а потому не в состоянии разобраться в человеке с ходу. Ну кто бы заподозрил в милом и обходительном мужчине коварного и жестокого обманщика?

Теперь я, конечно, жалею о решении выйти за него замуж, но тогда была счастлива. Он просил выйти за него, клялся в бесконечной преданности и постоянно, день за днем рассуждал о нашем совместном будущем. Уже много позже я поняла, что таким образом Роберт задавил на корню мою бдительность, чтобы разбогатеть без особых усилий.

Прости меня, мама, что не сохранила ни свою честь, ни наследство, которое ты мне оставила. Ты старалась дать мне все самое лучшее, а я вот так, за несколько недель, все разрушила...

На глазах выступили слезы, я незаметно для Гарольда смахнула их и в очередной раз обернулась. Мне показалось, что у горизонта возникло какое-то движение, но это могло быть обманом зрения. Луну наполовину скрыли набежавшие облака, свет стал тусклее.

Я нащупала в кармане обручальное кольцо, подушечкой пальца погладила драгоценный камень. Как только приеду в Грельск, немедленно отправлюсь на поиски ювелира. Мне бы только теплую, сухую постель и горячий, сытный обед, а больше пока ничего не нужно для радости.

В тот момент я еще не подозревала, каким сложным окажется мой путь в новую жизнь.

ГЛАВА 4

Я задремала, несмотря на пронизывающий ледяной ветер. Сквозь полудрему слышала цокот копыт, покряхтывание почтальона — иногда он сильно кашлял, но чаще просто кряхтел. Неудивительно: не заболеть в такую погоду, наверное, невозможно.

Я почувствовала резкое падение во сне, дернулась и распахнула глаза. От испуга заколотилось сердце. Вокруг все было спокойно, лошади шли вперед, почтальон не двигался с места.

— Ты б не засыпала, а? — сказал он. — Промерзла вся, глядишь, и из сна не выйдешь.

— Как это — не выйду? — Мой голос хрипел, я прочистила горло. — Усталость сказывается, вот и задремала.

— Горячего тебе б попить, да к огню поближе. Родственники-то далеко от станции живут? Вон, город уже впереди, приедем скоро.

Я прищурилась, всматриваясь в горизонт. Очертаний домов пока видно не было, но лошади сделали еще несколько шагов, и я увидела возвышающиеся над землей темные здания. Волнение нарастало, подкатывало к горлу. Меня высадят на станции, а идти мне некуда, и я останусь в холоде совсем одна.

— Недалеко, — ответила я.

Перед въездом в город лошади ускорились. Карета катилась по обледенелой брусчатке, минуя узкие улочки, все ближе к центру. Судя по количеству пешеходов, сейчас примерно семь или восемь часов утра, когда горожане идут на работу. Очень неплохо в моей ситуации, не придется ждать, когда откроется мастерская. Вот только где ее искать? В Грельске я никогда не бывала. Если нам с мамой нужно было в город, мы всегда ездили в Ижерск: он ближе к усадьбе.

Карета встала под фонарем неподалеку от въезда во двор почтовой станции. Дверца распахнулась, на тротуар из кареты выскочил молодой мужчина с мальчишкой лет пятнадцати, за ними вылезла пожилая женщина. Пассажиры удалились, не попрощавшись.

Я словно приросла к козлам. С трудом нашла в себе силы оторваться и слезть на землю.

— Спасибо вам. Вы мне жизнь спасли.

— Да иди уже. — Почтальон добродушно махнул рукой.

«Было бы куда», — подумала я, осматриваясь.

Первые шаги вдали от дома, в чужом незнакомом городе, я сделала неуверенно. Встала посреди тротуара, провожая взглядом почтовую карету. Вокруг сновали люди, кто-то толкнул меня и, не извинившись, убежал. Мальчонка лет трех ревел, усталая мать тащила его за руку, а он упирался. Через дорогу торговец с лотком выкрикивал, что можно у него купить, и когда я слышала «пряники», то едва не бросилась к нему.

Я снова нащупала в кармане кольцо. Мое единственное спасение. За него можно выручить приличную сумму, но до тех пор оно совершенно бесполезно.

Жадным взором я принялась высматривать хоть какие-нибудь вывески в надежде отыскать мастерскую ювелира. Вероятнее всего, она должна быть где-то в центре, как и в Ижерске. Однажды мне уже доводилось бывать в подобном месте: из браслета выпал камень, его чинили. Где теперь тот браслет? Лежит в банке или Роберт его уже продал?

Я сердито тряхнула головой. Не хочу, больше не хочу думать о муже! Вот бы навсегда забыть о его существовании, и все! Тем более теперь, когда я так далеко от него, в городе, где легко затеряться. Он меня не найдет, а значит, я не стану о нем думать и займусь своей жизнью.

Внезапно рассердившись, я даже почувствовала себя чуть лучше и в разы увереннее. Зашагала по тротуару вдоль длинного дома с арками, останавливаясь у каждой металлической таблички. Все не то, не то, что нужно...

Кольцо я машинально вытащила, задумчиво посмотрела на него: а даст ли мастер крупную сумму? Оно почти совсем новое, ни царапинки на нем нет, камень вон как сверкает. Красивое, но дорогое. Что, если у ювелира не будет столько денег?

Я сунула руки в карманы, крепко сжимая кольцо. Поежилась от ветра, подошла поближе к стене: здесь все вывески указывали преимущественно на продуктовые лавки. На одной нарисован бык, на другой кусок сыра и крынка молока, на третьей корова — но подписано, что продается там кожа. Ничего и близко похожего на драгоценности.

Кто-то меня снова толкнул. Что за люди! Идут, не глядя перед собой.

Не успела я как следует мысленно обругать мужчину, толкнувшего меня, как он вдруг развернулся и с улыбкой подошел ко мне. Я отступила на шаг. Мне такие, как он, казались подозрительными: глаза бегают, улыбка вымученная, зубы плохие. И одет не ахти как. Милостыню просить будет? Да я сама нищенка.

— Простите великодушно. — Мужчина зачем-то поклонился мне. — Темно, не заметил вас.

Моя бровь дернулась вверх. Темно? На одном пяточке четыре фонаря, света предостаточно.

— Вы одна? — спросил он, не дождавшись ответной реакции. — Мне показалось, вы чем-то озадачены.

— Спасибо за извинения, — буркнула я, — мне пора идти.

— Ищете что-то? Я обратил внимание, вы читали вывески. Я прожил в этом городе сорок лет, каждый закуток тут знаю.

Я двинулась дальше, мужчина поспешил за мной.

— Обувная лавка вон там. — Он указал пальцем на коричневую дверь, ведущую в подвал дома. — Впрочем, ваши сапоги не так уж плохи.

Меня мгновенно утомила его компания. Таких прилипчивых людей еще поискать! Может быть, у него самые что ни на есть добрые намерения, но не говорить же первому встречному, что я ищу ювелира!

— Пожалуйста, оставьте меня.

Я перешла на быстрый шаг, проскочила дорогу и едва не угодила под коня. Возничий выругался, крикнул мне вслед что-то совсем не лестное.

— Я провожу вас, — сказал мужчина и схватил меня за локоть. — Ну же, говорите, куда вас отвести?

Теперь мне стало по-настоящему страшно. Я растерялась на миг, а потом закричала во весь голос:

— Помогите!

Мой крик не возымел эффекта, прохожие просто шли мимо. Я рванула в сторону, поскользнулась, но сумела удержаться. К тому же опасный мужчина все еще цеплялся за мой локоть.

— Да не волнуйтесь вы так, — говорил он, настойчиво утягивая меня в проулок. Я дергала рукой, но он был гораздо сильнее меня. — Небезопасно ходить по улицам одной.

— Помогите мне! — крикнула я снова и поперхнулась холодным воздухом.

Мужчина увлек меня в темную подворотню, через арку в доме. В миг, когда в моей голове возникла мысль отдать ему пальто, чтобы он наконец отвязался, меня спасли.

Кто-то крупный, бородатый налетел на моего недоброжелателя сзади. Толкнул его не сильно, но достаточно, чтобы тот рухнул наземь.

— Идем отсюда! — Бородач подхватил меня за талию, второй рукой держа за руку. — Он может быть вооружен, нам лучше скрыться.

Радость от спасения пришла не сразу. Ошарашенная случившимся, я словно в тумане бежала за мужчиной, который своим поступком безоговорочно добился моего доверия в счи-

таные секунды. Я отстала от него всего на шаг, но тут же догнала и чуть прижалась к нему, опасливо озираясь по сторонам. Господи, и чем я только думала! В полутьме, до рассвета, стояло попроситься на почтовую станцию. Выделили бы мне табурет, дождалась бы светлого утра.

— Ну, как вы? — Незнакомец улыбался, мы сбавили шаг. — Вообще-то он был прав: не стоит находиться на улице совсем одной. В таком дорогом пальто вы привлекаете к себе ненужное внимание.

— Дорогом? — повторила я, хлопая глазами.

Окинула взглядом мужчину — он одет просто и грязно. По его виду можно было понять, что в богатстве он ничего не смыслит.

— Оно совсем недорогое, — поспешила сказать я. Напуганная лишним вниманием, я хотела показаться нищенкой даже тому, кто меня спас. — Простая шерсть, мне от отца досталось.

— Скажете тоже — простая! — усмехнулся он и указал рукой на угол дома. — Нам сюда. А пальто ваше из сукна высшего качества, уж поверьте, я в этом разбираюсь.

— Куда мы идем? — Я встала, придвинулась ближе к стене дома: по обледеневшему тротуару шагать тяжело. — Мне в другую сторону.

— Да нет, сюда.

Грубые руки впихнули меня за угол, в темный двор, выстроенный колодцем. Мгновенно я осознала, что угодила из одного капкана в другой, возможно, даже попала в специально подстроенную ловушку. Кричать уже не было смысла, но я все же заорала до хрипоты. Бородач не пытался стащить с меня пальто, просто держал за руку, словно ждал кого-то или чего-то.

Я его пинала, колотила руками, визжала что есть мочи. Ринулась вправо, угодила в него же — он преградил мне дорогу.

— Надо было сразу с Гриком пойти, дура, — сказал он. — Что ценного есть кроме пальто, а?

— Ничего у меня нет! Вот, сами посмотрите. — Я дернула головой, сдвинула край шали, показала мочки ушей.

Надеялась, что, не увидев на мне украшений, мужчина успокоится. О кольце в кармане я не забывала ни на миг, но спасти его уже не смогла бы. Скрывать как можно дольше — вот и все, что в моих силах. Вытащить его и быстро сунуть за шиворот тоже возможно, благо еще темно.

— Хотите пальто? Забирайте! Пожалуйста, только отпустите меня! Я не сделала ничего плохого!

— Замолчи! — рявкнул он, и я машинально закрыла рот. — Че толку орать? Никто сюда не сунется, никто не станет рисковать. Да где ты, черт бы тебя побрал?!

Последнее было адресовано не мне. Наверное, тому, первому...

Страх ледяными шупальцами подбирался к горлу, колени сделались ватными. Вот уже второй раз за сутки моей самостоятельной жизни я начинала думать, что терпеть выходки Роберта — не самая плохая участь. С ним, возможно, я бы осталась жива.

— Помогите, — проскулила я без какой-либо надежды.

За углом мелькнула тень. Бородач выругался на своего пособника за то, что тот задержался, но тут же получил кулаком в лицо. Его пальцы разжались, выпустили мой локоть. Парнишка, вступивший в драку, повернулся ко мне.

— Беги, чего стоишь?

Я бросила короткий взгляд на его лицо. Добродушное, но исполосованное шрамами. Видимо, нередко ему приходилось ввязываться в потасовки... О чем я вообще думаю в такой момент?!

Я помчалась со двора через арку, перебежала проезжую часть и кинулась к площади. Запомнила, где она находится: через нее проезжала почтовая карета.

То, что со мной приключилось за это утро, никак не укладывалось в голове. Вот так работают грабители? Бьют друг друга и уводят жертв? Да в этом городе никому верить нельзя, а особенно тем, кто тебя якобы спасает!

На площади я остановилась. Вся вспотела, пришлось распахнуть пальто. Из горла рвался хрип: накричалась и надыхалась холода. Горожане двигались в едином ритме, потоком пересекая площадь. Когда меня пихнули раз, второй и третий, я осознала, что пытаюсь идти против движения. Развернувшись, я слилась с людским ручьем и оказалась прямо у вывески «Мастерская. Ювелирные изделия».

Радости моей не было предела. Я поскорее дернула дверь на себя, но та оказалась заперта.

— Давно уж не работают, — раздался женский голос.

Я обернулась, но никого не увидела: женщина ушла.

Что же, если одну мастерскую я нашла, то найду и вторую. Только теперь стану более осторожной. Попавшись грабителям, я осознала, что опасность таится в самых неожиданных местах и исходить может от кого угодно.

По пути стали попадаться продуктовые лавки, булочные. Из последних тянуло свежеспеченным хлебом, ватрушками, булками, пирогами. Ароматы смешивались, рот наполняла слюна, ноги сами несли меня к входу.

— Вам не требуется помощница? — спросила я у дородной женщины за стойкой. — В обмен на кусок хлеба. Пожалуйста.

В моем голосе не было никаких эмоций, потому что проговорила я это быстро и сухо, лишь бы самой не чувствовать себя убогой. Я позорилась, прося даже не милостыни, а работы за еду.

Женщина бухнула на прилавок поднос с хлебом, принялась выставлять его на полки.

— Че умеешь? — спросила она заинтересованно.

— А что нужно? Я могу мыть, стирать.

— Полы вымоешь? Посуду, хлебные формы и вот эти полки.

Я неопределенно кивнула. За кусок хлеба как-то многовато работы, но мне жутко хотелось есть. Силы на исходе, желудок словно слипся.

— Да накормлю я тебя горячим обедом. — Женщина усмехнулась. Поправила чепец, одернула темный фартук. — Щас тряпки выдам да воды ведро.

Она ушла, а вернувшись из подсобки, вручила мне ведро с тряпками и мешочек щелока. Показала, что нужно вымыть, попросила, чтобы я навела порядок как можно быстрее. Мол, народ скоро потянется.

Я видела, что народ тянется в другие лавки и булочные, но намекать на это не стала. Скинула мужнино пальто, засучила рукава. Делать уборку мне не приходилось уже много лет, с тех пор как я была совсем малышкой. У нас не было служанок, мама учила меня самой готовить, стирать и убирать, но говорила: если мне никогда не пригодятся эти навыки, то значит, я — счастливый человек. Потом появились горничные, я перестала заниматься хозяйскими делами, но руки помнили, что и как делать.

Полы я отскребла щелоком и щеткой — хозяйка булочной принесла мне и ее, промыла мыльной водой, сполоснула чистой. Вытерла полки, прилавок, и потом хозяйка впустила меня в кухню, показала, где лежит грязная посуда.

Я домывала последнюю тарелку, когда в зале громыхнула дверь. Зычный мужской голос крикнул:

— Где тебя черти носят?

Я вздрогнула. На миг показалось, что вопрос адресован мне. Я даже подошла к двери, выглянула в щелку. Мужчина говорил с хозяйкой.

— Сегодня, что ли? Погоди-ка, не завтра? — ошарашенно спрашивала она.

— Сегодня, конечно!

— Ох ты ж!..

Женщина быстро стянула фартук, засуетилась. Мужчина нервно постукивал кончиками пальцев по прилавку.

— Живей давай! Стряпню не забудь. Пирог с кроликом испекла? Нет? И что теперь делать?! Мы Сэмминам обещали!

Хозяйка булочной влетела в кухню, растерянно посмотрела на меня. Ее лицо приняло виноватое выражение, она раскинула руки.

— Ты это, извиняй. Уйти тебе надо. Брось ты эту тряпку, я сама потом домою.

По-хорошему, нужно бы напомнить ей, что она обещала мне горячий обед, но присущая мне стеснительность не давала произнести это вслух. Голодать буду, мучиться, но не попрошу. Мама, готовя меня к разным жизненным ситуациям, не учла того, что я с ее воспитанием буду так или иначе чувствовать стыд каждый раз, когда мне придется кого-то о чем-то просить.

К счастью, хозяйка сама вспомнила.

— Горячим накормить уже не успеваю. Свадьба у брата, а я дни перепутала, так бы еще раньше ушла. Но возьми там с полки что хочешь. Пирог, булку хлеба?

— Возьму пирог, — пробормотала я, кивая.

Я стояла на улице с куском капустного пирога в руках и смотрела по сторонам. Куда идти? Мимо проскочили хозяйка булочной с мужчиной, ругаясь из-за пирога с кроликом. Она меня пожалела, я так думаю. Не нужна была ей никакая помощь, но и накормить меня просто так она почему-то не захотела. В любом случае спасибо ей и за этот кусок пирога.

Со вздохом я села на скамейку между двухэтажным зданием какого-то пансионата — не прочла вывеску внимательно — и трактиром с большой площадкой для стоянки лошадей и повозок. На стоянке кто-то крутился: несколько человек в ярких одеждах собирали шатры из меха и кожи. Ночевали они в них, что ли? Похожи на зимние — такой и у Роберта есть. Был, точнее, пока у него не появилась моя усадьба.

— Жива, смотрю?

Я поперхнулась кусочком капусты, услышав за спиной мужской голос. Вскочила, обернулась. Смутно знакомое лицо паренька...

— Это же вы? — спросила я, прищурившись. — Точно вы. К воришке в драку полезли.

— Тебя спасал, гусыня! — Он хохотнул. — Кто ж по подворотням с такими людьми шарится?

— Я не шарилась.

Я завернула кусок пирога в бумагу, убрала в карман. Потом доем. Взволнованно переступила с ноги на ногу. Стоит ли бежать от этого парнишки? Он не выглядел злобным, как те двое, но и те умудрились меня обмануть. Может, он вообще с ними заодно?

Паренек переступил через скамейку, сел. Его взгляд устремился к стоянке, потом заинтересованно скользнул по моему лицу. Мне бы уйти, но я приросла к земле. Устала бегать, хотелось немного покоя. Плюнув на осторожность, я опустилась на другой край скамейки, подальше от парня, и вновь достала еду. Голод утолю, мозг заработает, а пока слабость глушила чувство самосохранения.

Парнишка некоторое время молчал. Я жевала.

— Что на улице делаешь? — спросил он вдруг.

— Неважно. — Я пожалала плечами, откусывая от пирога.

— Выглядишь несчастной. Из дома прогнали? Меня тоже прогнали пять лет назад, я так же скитался, ел на улице, и то если найду еды.

— А сейчас что? — полюбопытствовала я.

— А сейчас я востребованный артист. — Паренек выпятил грудь, вскинул подбородок, оперся ладонями на скамейку за спиной. — Что умеешь? Танцевать, петь, играть на флейте?

Я усмехнулась. Ничего из перечисленного я не умела, да и продолжать этот разговор уже не было смысла.

ГЛАВА 5

Что сказать ему? «Мне пора» и уйти? А куда идти-то? Спрашивать у него про мастерские я не стану, хватило с меня и того, что я привлекла внимание грабителей, просто рассматривая вывески.

— Я тут старшего брата на днях встретил, — заговорил парень. — Женился он, детей завел. Мы пять лет не виделись. Меня еще ребенком выгнали, болезненный я был, а его оставили — мол, руки крепкие в доме нужны.

Я ошарашенно повернулась к собеседнику.

— То есть как это — тебя выгнали, а его оставили?

Парнишка не ответил, он мыслями улетел в свое прошлое.

— Дом родительский он продал, зажил по-человечески. Я скитался какое-то время, в приют даже попал. Сейчас-то я артист, важная персона. Меня, бывает, и без моих друзей приглашают на праздники. Но те годы... Я вот так же, как и ты, сидел на скамейке, грыз какой-то сухарь. Затравленно озирался по сторонам, людей шугался. Доброты от них не видывал никогда, вот и боялся. Не зря, кстати: какой-то мужик сказал городовым, что я его обокрал. Те схватили меня, засунули в вонючую клетку и держали в ней несколько дней.

Кусок пирога встал у меня в горле. Я кое-как проглотила его, вытерла ладони о пальто. Судьба этого парня чем-то похожа на мою, пусть и в разных ситуациях мы оказались. Не хотелось бы мне, как и ему, по случайности попасться городовым.

И вообще, из Грельска нужно уезжать. Если Роберт соберется меня искать, то явится, конечно, сюда. Объявление даст, портрет мой начнет показывать. Хотя зачем я ему? Решит, что сгинула в лесу, и успокоится. Порадуется даже.

— Симпатичная ты, только одета как пугало.

Я усмехнулась. Забавно было слышать чьи-то мысли — а он явно говорил все, что думал, без прикрас.

— В чем сбежала, в том и хожу, — доверчиво сказала я. Все равно парень понял, что я не на прогулку вышла, так чего скрывать правду?

— А живешь теперь где?

— Еще не выбрала переулок почище. Может, вон под тем мостом обустроюсь. — Я мотнула головой в сторону виднеющегося на горизонте моста.

Шутила, конечно... Или нет. Если не сумею продать кольцо сегодня, то ночевать и впрямь придется на улице.

Мы молчали несколько минут, прежде чем парень собрался уходить. Когда он встал со скамейки, внутри меня словно что-то оборвалось. Создалось странное ощущение — будто вот сейчас он сделает шаг, второй, третий, и все! — я снова останусь совсем одна. Сделалось страшно.

— А вы куда едете? — крикнула я ему вслед. Вскочила, подалась вперед. — Возьмите меня собой. Пожалуйста! Вы в другой город собираетесь? — Я взглянула на стоянку — шатры почти собрали, начинали запрягать лошадей. — Довезите меня. Только... бесплатно. Денег нет.

— Я бы и рад, но не могу. — Парнишка развел руками. — Впрочем, ты можешь попробовать убедить нашу главную, и если она согласится, то возьмем тебя с собой. Раз ты не умеешь ни петь, ни танцевать и денег нет, то шансы твои невелики.

— Главную? Я постараюсь объяснить ей, спасибо!

— Ну, идем.

Я поспешила за ним. Надеюсь, мне выделят место не снаружи повозки, а внутри. На еду я уж не рассчитываю, мечтаю просто поскорее уехать как можно дальше от Роберта. Если получится — я буду чуточку счастливее.

На стоянке было шумно. Кроме артистов тут никого не было, но они разговаривали так громко, что их голоса звенели у меня в ушах. Какой-то мужчина прохладился на козлах — играл на дудке, вдывая в нее воздух изо всех сил. Пока остальные торопливо скручивали, заворачивали и складывали различный реквизит, этот отдыхал. Но не он тут главный, точно — должна быть женщина, судя по словам того парня.

Он куда-то делся. Скрылся из виду, когда я осматривалась. Я насчитала четверых мужчин, включая лентяя, и трех женщин совсем еще молодого возраста. Одна из них с любопытством смотрела на меня, но здороваться не торопилась. Я вежливо улыбнулась ей, женщина отвернулась и бросила что-то из упряжи мужчине в теплом тулупе.

— Иди сюда!

Я обернулась на голос. Парень махал мне из окна просторной кареты.

Он открыл мне дверцу, помог забраться внутрь. Я сразу же оказалась под внимательным взглядом пожилой пухлой женщины в темно-зеленом пальто с кроличьим мехом на воротнике. Ее лицо было слишком уж ярким для такого времени суток: красные губы, натертые свекольным соком щеки, подведенные сажей глаза. Она смотрела на меня пристально, будто прожигая насквозь.

Я оробела. Забилась в уголок, обняла себя руками. Как просить у нее о чем-то? Наверняка откажет.

— Скажите, куда вы едете? — хриплым от волнения голосом спросила я. — Я не стану вас тревожить, если вы не в силах мне помочь, и просто уйду. Но вдруг вы направляетесь как раз туда, куда мне нужно?

«Да никуда конкретно мне не нужно», — вздохнула я мысленно.

Ярко-красные губы разлепились и произнесли:

— В Дербонт, к его светлости герцогу Генриху Вебру. Сомневаюсь, что нам с тобой по пути.

К герцогу! Они едут к герцогу! Мысли хаотично заметались, моя рука сама собой полезла в карман и стиснула кольцо. У герцога огромный замок, деревни, куча слуг, и он, может, прямо сейчас ищет горничную или кого-то еще из прислуги. А я в его доме буду в такой безопасности, какой мне ни одна тюрьма Севера не обеспечит! Всего-то нужно попасть к нему на работу, и тогда меня Роберт уже не достанет. Он в дома людей из высшего света не вхож и никогда не достигнет такого социального статуса, чтобы сам Генрих Вебр пригласил его к себе. К тому же замок его светлости высоко в горах. Многократная защита для одинокой сбежавшей женщины.

— Я к нему! — выкрикнула я встревоженно. — Прошу, доведите!

— Пятьдесят медяков, — произнесла главная артистка.

Кольцо. У меня же есть кольцо. Какова вероятность, что я сумею продать его за приличную сумму? Ну пусть я смогу это сделать, купит кто-нибудь, я сниму себе комнатушку и найду работу. Возможно, жалованья не будет хватать на оплату аренды, и меня попросят на улицу. Тем временем в замке герцога слуги, скорее всего, живут припеваючи. Да, в маленьких комнатах. Да, им приходится рано вставать, чтобы накрыть на стол к завтраку, почистить и зажечь камин. Но что с того?

Неимоверным усилием воли я заставила себя дрожащей рукой вытащить обручальное кольцо. Если меня обманут... Да нет, не должны. На ярко раскрашенном лице не видно никаких эмоций, ей вообще, по-моему, все равно, заплачу я или нет.

Я раскрыла кулак, вытянула ладонь перед собой.

— Оно драгоценное. Это все, что у меня есть.

Женщина потянулась к кольцу, я машинально сжала руку в кулак. Вдруг подумалось, что она отберет драгоценность, а потом выпроводит меня из кареты.

— Не отдам, пока не довезете, — сказала я твердо.

— Не довезем, пока не отдашь, — парировала она. Потом вздохнула: — Хорошо. Но условимся так: когда съедем с тракта на дорогу, ведущую в горы, тогда рассчитаешься. Не отдашь кольцо — останешься посреди поля глубокой ночью. Выживешь вряд ли, так что в твоих интересах даже не пытаться нас провести.

Краем глаза я заметила, что парнишка расслабился и откинулся на спинку сиденья. Мы, получается, договорились с его главной?

— Мы договорились? — спросила я вслух.

Женщина кивнула.

— Выдвигаемся через полчаса. Поедешь с Ирионом.

— Ирион — это я, — заулыбался парень.

— А теперь идите.

Помимо Ириона я ехала с еще двумя женщинами. Шумные, смешливые и неутомимо болтливые! Они не позволяли мне предаваться грусти — у меня не было на это и шанса. Стоило мне только на минутку уйти в себя, как Юлиана — женщина лет тридцати — тут же заводила новую беседу. Они болтали обо всем и ни о чем одновременно. Обсуждали наряды, атласные ленты, шляпки, перчатки и обувь. Говорили о погоде, о своих путешествиях по королевству, о последних выступлениях.

Я слушала с интересом, но время от времени уплывала мыслями далеко от этой громкой компании. Потом вспоминала, что уже ночью мы прибудем в замок герцога и с огромной вероятностью я сумею найти там работу. Ну а после — у меня будет комната, жалованье, бесплатное питание. А еще свободные дни, когда я смогу обдумывать свое будущее и строить на него планы.

Карета выехала на главный тракт, лошади бежали так быстро, насколько это было возможно по скользкому льду. Нас иногда потряхивало внутри кареты, но такие внезапные прыжки только забавляли всех.

Юлина стянула с тощих рук кожаные перчатки, бросила их на столик. Сняла меховую шапку, взбила белоснежные локоны и, не глядя в зеркальце, на ощупь поправила яркую краску на губах.

— Ну а ты откуда?

Я не сразу поняла, что вопрос адресован мне. Три пары глаз уставились на меня с интересом.

— Из Ижерска, — ответила я и тут же отвлекла их: — А какое представление планируется для герцога?

— О-о-о! — Вторая женщина, Дилия, пухленькая, с длинными волосами цвета соломы, мечтательно закатила глаза. — Герцог пригласил нас на целую неделю. Он дает бал в честь дня рождения матери и захотел, чтобы на празднике были не только музыканты, но и танцовщицы. Ирион вот будет развлекать прислугу — так сказал его светлость, — а мы с Юлианой станем главным украшением бала. Для нас даже выделят отдельные спальни!

— Еще нигде у нас не было отдельных спален, — добавила Юлиана. — Обычно заказчики селят всю труппу в одном помещении, в котором иногда кроватей на всех не хватает.

Ирион вытащил из-под сиденья мешочек, в нем брякнуло что-то железное. Как оказалось — квас в металлических флягах. Я отказалась от напитка, привалилась к стенке и попробовала заснуть. За окошечком светило холодное зимнее солнце, но я не спала уже вторые сутки, и мне было все равно, где и как спать. Глаза слипались сами собой.

Женщины наконец немного успокоились, перестали хохотать и разговаривать во весь голос. Я провалилась в сон так быстро, что и не заметила, а проснулась к концу дня.

Солнце почти спряталось за горизонтом. В карету еще проникали слабые янтарные лучи света, но спустя несколько минут исчезли и они. Теперь карету освещала масляная лампа, стоящая на столике. Ирион дремал, Юлина что-то вязала, а Дилия читала толстую книгу.

— Мои любимые стихи, — сказала она, заметив, что я открыла глаза. — Ты умеешь читать?

— Умею. — Я пошарила взглядом по столу, под сиденьем напротив — сейчас я бы не отказалась от кваса. — Но не люблю поэзию.

— Что обычно читаешь?

«Романы про любовь», — хмыкнула я мысленно. Похоже, именно они научили меня верить во всякие глупости вроде честных и заботливых мужчин.

— Рассказы, — ответила я.

Я наконец нашла флягу с квасом, утолила жажду. На смену ей пришло чувство голода.

Карета внезапно дернулась. Лошади заржали, послышался мужской крик. Ирион вскинулся, прильнул к окошку. Юлиана сонно распахнула глаза, недовольно морщась. Дилия встревоженно смотрела на Ириона.

— Назад! — заорал кто-то с улицы. — Поворачиваем назад!

— Что там, Ирион? — испуганно воскликнула Дилия. — Что ты видишь?

— Да ни черта, темнотища.

Наша карета встала. Мимо промчалась другая, и она задела нашу так, что ее едва не перевернуло!

Еще разбойников не хватало встретить по дороге. Я уверена, мы нарвались именно на них. Кто еще станет караулить повозки по темноте так далеко от города? Только разбойники.

— Нас грабят, — выдохнула я. По коже побежали мурашки.

Раздался женский крик. Спустя мгновения он затих, и в следующую секунду я услышала нечеловеческий рев. Ирион кинулся к дверце, проверил, заперта ли она. Дилия и Юлиана крепко обнялись, спрятали лица друг у друга на плече.

Когда в наше окошечко ударилось что-то тяжелое, я не сразу осознала, что его пытаются разбить. Но когда внутрь хлынули осколки стекла и в дыру просунулась мохнатая лапа с когтями, похожая на человеческую руку, я заверещала от ужаса.

Ирион вытолкнул меня из кареты, следом за мной — Юлиану и Дилию. Сам он спастись не успел. Когти ударили его сзади в шею, вылезли сквозь нее. С кривых серых пальцев капала кровь. В крови были все сиденья, стены, даже потолок кареты.

— Бежим! — Дилия схватила меня за руку, потащила с дороги вниз, в овражек.

Я едва поспевала за ней, все еще тараща глаза на Ириона. Он мертв. Кто-то убил его одним ударом, просто распоров шею. Как это возможно?!

Дилия принялась закапывать в снег свою подругу. Юлиана шикнула на меня, чтобы и я ложилась, закапывалась. Я же словно превратилась в камень, не двигались ни руки, ни ноги.

Лошади рванули вперед по дороге, кареты громыхали за ними. Из одной выпал какой-то мужчина, не успевший схватиться за ручку, и покатился к обочине. Артисты удирали, оставляя других членов труппы на съедение...

Тварям.

Я разглядела их в лунном свете. Существа двухметрового роста не были ни разбойниками, ни зверями. Высокие, тощие, лохматые. Морды вытянутые, почти как у волков, но вот тела... Будто бы великаны выбрались из-под земли.

Мне все снится. Я же заснула, вот мне и снится. Я попробовала ущипнуть себя за руку — сделалось больно.

— Да ляг ты, выдашь ведь нас! — рявкнула Юлиана.

Они найдут нас здесь. Мы не сумеем скрыться от этих созданий под снегом.

Я словно замороженная наблюдала за бойней на дороге и пяtilась к лесу. Молясь, чтобы не быть замеченной, я едва переставляла ноги.

Одно из существ тащило в лес два тела. Одно за руку, другое за ногу. Тварь не видела меня, или же ей было уже все равно — она раздобыла себе то, что ей нужно, и теперь куда-то это волокла.

Зря я потратила драгоценное время на то, чтобы совладать с шоком. Резкая боль пронзила бедро, а когда я осознала, что мне в ногу вцепилась крошечная копия лохматого существа, машинально вытащила из кармана нож для масла.

Ярко-синие ледяные глаза уставились на меня. Клыки тварюшки впивались все сильнее, по ноге что-то потекло. Кровь. Она прокусила меня до крови через пальто!

Тупой нож для масла не спас бы меня. Я застонала от боли, резко размахнулась и ударила мохнатое существо, но лезвие ни на миллиметр не вошло в толстую кожу. Впрочем, твари хватило и того, что ей дали отпор, — она заверещала и кинулась к своим сородичам, которые брели к лесу. Каждый из троих тащил по телу. Тот, первый, уже унес двоих мертвых артистов, и, может быть, он далеко отсюда. В любом случае меня они пока не преследуют.

ГЛАВА 6

Я мчалась что есть мочи, падала, поднималась и продолжала бежать. Горло обжигал холодный воздух, сердце бешено колотилось в груди. Но меня подгонял страх. Звери насытятся жертвами и примутся догонять меня. Я должна успеть спрятаться, хотя бы забраться повыше, но пока это не представлялось возможным. Обледенелые стволы деревьев казались мне неприступными.

Выбившись из сил, я прислонилась спиной к сосне, немного отдышаться, тогда и заметила кровь на снегу. Я совсем забыла о ране, почти перестала ее чувствовать. Пришлось потратить драгоценное время, оторвать лоскут от подола и перевязать.

А потом идти дальше. Бежать я уже не могла.

Хруст снега прозвучал оглушающе громко в ночной тишине. Я замерла, пытаюсь сдержать сильное рваное дыхание и прислушаться. Послышалось? Пожалуйста, хоть бы послышалось. Я так ослабела, что не выстою и против зайца. Не говоря уже о звере покрупнее.

Хруст послышался снова. Не показалось.

Я снова вытащила из кармана нож — мое единственное оружие. Смешное, словно игрушечное, но другого у меня не было. Прислонилась спиной к шершавому стволу и выставила его перед собой. Я затаилась, вслушиваясь и вглядываясь во тьму. И все равно вздрогнула, когда в ней проявились два ярко-голубых, отливающих льдом глаза, которые не мигая смотрели на меня.

Затылок леденел от ужаса. Чем ближе подбиралась тварь, тем очевиднее становилось, что мне настал конец. Она, как и те, другие, была огромной, много выше меня. Силуэт человеческий, но неправильный, будто изломанный или в конечностях есть лишние суставы. Лысая голова с прижатыми к ней ушами.

Моя рука с ножом дрогнула. Он мне не поможет. Когда тварь подошла совсем близко, я обреченно закрыла глаза. Жаль, что моя свобода была столь недолгой. И все же она была.

Мысленно я отсчитывала последние мгновения жизни, ожидая, когда она оборвется.

Секунда, вторая...

Громко хрустнул снег прямо передо мной. Лица коснулся порыв свежего воздуха, тварь зарычала коротко, зло, будто досадуя. И тут же взвыла.

Я приоткрыла глаза. В бледном свете звезд, отражающемся от поверхности снега, я разглядела две тени. Они застыли друг против друга и вдруг сошлись в жутком сражении.

Надо бежать, пока монстры увлечены друг другом. Однако я не могла двинуться с места, в мгновение ока будто превратившись в камень.

Одна из тварей выпрямилась, оттолкнув в снег обмякшее тело другой. Вытерла снегом лезвие длинного кинжала и направилась ко мне. Не зверь это... Человек.

В этот момент я ускользнула в спасительную темноту.

Приходила в себя я постепенно. Сначала слуха коснулся треск поленьев в печи, затем я услышала бульканье. Потом уловила запах сушеных трав.

Рук и ног я почти не чувствовала, зато ощущала, как ноет нога. Попробовала пошевелиться — разодранную кожу царапнуло что-то колючее, я застонала от боли.

Рядом послышались шаркающие шаги. Чья-то теплая шершавая рука коснулась щек, лба. — Очнулась, бедолага. — Голос мягкий, старушечий.

Я с трудом разлепила губы, но не сумела произнести ни слова. И ничего не видела, под веки словно песка насыпали.

В мой приоткрытый рот тут же полилось что-то горькое, горячее. Я случайно проглотила немного, закашлялась, повернулась на бок и сплюнула. Холодок пробежал по телу, зато глаза открылись.

— Ничего пить не стану, — прохрипела я.

— Ну и зря, — бросила старуха.

Я крепко зажмурилась, открыла глаза. В полумраке был виден стол у окна, лавка. Печь с плитой, на которой булькал котелок. На бревенчатых стенах плясали отблески пламени.

Старушка прошаркала к печи, помешала половником варево.

— Кто вы?

— Зови меня бабой Нави.

Она не представляла для меня никакой угрозы: сухонькая, маленькая, в чем только душа держится. Одета была миленько: платок в яркий цветочек, теплая коричневая юбка, вязаная кофта.

Виски пронзило острой болью. Я глубоко вдохнула, дрожащей рукой натянула на себя шерстяное одеяло. Та тварь — не мелкая, другая — она разорвала бы меня на куски, если бы ей не помешали. Там, в лесу, я едва соображала, но теперь отчетливо вспомнила человеческий силуэт и то, как этот человек вытирал лезвие о штанину. Меня спасли. Он меня спас.

Я до сих пор чувствовала вонь мокрой шерсти, металлический запах крови и то, как из пасти громадной твари несло плесенью.

Ноги закололо тысячами мелких иголочек — возвращалась чувствительность.

— Бежала, что ль, от кого?

— Бежала. — Я произнесла это почти шепотом. Не стала объяснять — от кого.

Бабушка Нави расположила меня к себе в считанные минуты. Она сейчас единственный во всем мире человек, который мне помогает, ничего не требуя взамен. Или потребует? Когда очухаюсь, встану на ноги, наверняка услышу: «Плати».

Я попыталась подняться. Не сразу, но мне удалось сесть. Голова немного кружилась, в горле все еще жгло от питья, что я проглотила из кружки.

— Давайте, — попросила я. — Кружку ту, давайте сюда. Я выпью.

— То-то же. — Бабушка Нави отвлеклась от котелка на печи, взяла кружку со стола и принесла мне. — Пей, деточка, пей. Не бойсь. Это лекарство, не потравишься.

Горький напиток обжег горло, стек в желудок, и по телу разлилось приятное тепло.

— Поесть тебе нужно, — сказала старуха. — Похлебки горячей с хлебом свежим налопашься, мигом силы вернутся.

Я отказываться не стала. Не ела уже... А сколько я не ела?

— Долго я была без сознания?

— Несколько часов. Сильная ты, здоровье хорошее.

Бабушка Нави поставила на стол миски, налила в них по два половника ароматной похлебки с лапшой. От хрустящего, еще теплого каравая отрезала два ломтя, положила на полотенце.

— Садись. Поешь и еще немного поспи.

Пошатываясь, я добрела до стола. Вцепилась в ложку трясущимися пальцами, кое-как зачерпнула похлебки и сунула в рот.

Туман в голове рассеивался, хаотичные мысли наконец-то успокаивались, и я вдруг поняла, что сижу за столом совершенно голая.

Я вскочила, метнулась к топчану, закуталась в одеяло. Зря я это сделала — от резких движений меня повело в сторону.

— Да сядь ты, бедовая. Платье твое я в печи сожгла, не заштопать его уже и не отстирать. Пальто еще можно починить, да некогда мне пока этим заниматься. Вон там, в сундуке, возьми что-нибудь, а сейчас ешь.

Я собиралась вернуться к столу, но громкий стук в дверь заставил меня рухнуть на топчан. Сердце пропустило удар и пустилось вскачь.

Неужели выследил?..

— Кого нелегкая принесла? — проворчала старуха.

— Баб Нави! Баба-а-а Нави-и-и!

— Иду я, не ори!

Она отперла засов. На пороге стоял мальчишка в смешной шапке с волчьими ушами, вместе с ним в теплый дом ворвался ледяной воздух и облако снежной крупы.

— Мамка за тобой послала! Рожает она.

— Рановато вздумала, трудно будет. — Старушка обеспокоенно покачала головой и принялась перебирать в сундуке мешочки, от которых потянулся пряный травяной аромат. — Так, молочай, кувшинка, зверобой...

Она забормотала себе под нос, и другие названия я не расслышала. Мальчишка стоял у двери и с любопытством на меня поглядывал. Я боялась пошевелиться, чтобы одеяло не сползло. Ужасно неловкая ситуация!

Еще и баба Нави заметила, что я сижу на топчане.

— Иди, деточка, доешь, остынет похлебка.

К счастью, она закончила сборы, побросала все отобранные мешочки в матерчатую торбу. Надела теплую поддевку, обвязала голову пушистой шалью и повернулась ко мне.

— Не жди меня, ешь и спать ложись.

Мальчишка бросил на меня последний взгляд и вышел за дверь, подталкиваемый бабой Нави.

— Хорош пялиться, топай уже!

Я вернулась к столу. Решила, что одежда подождет, а похлебка и правда остынет. Но доесть мне не дали. Снова раздался стук, на этот раз более сильный.

Баба Нави что-то забыла, а парнишка, похоже, попросился сбежать, принести? Догадался, поди, что под одеялом на мне ничего нет. Я пошла к двери с твердым намерением устроить наглецу выволочку. Изнурительная слабость не позволяла двигаться быстро. Пока я доковыляла, постучали еще раз, настойчивее.

— Да иду я, иду, неугомонный, — пробормотала я сквозь зубы.

По ту сторону порога стоял незнакомый мужчина с занесенным кулаком. Кажется, он уже собирался долбить в дверь, потеряв терпение.

Высокий, с мощным телом, дышащим здоровьем и силой. Одет просто — в полушубок из разных шкурок, явно самодельный, и в меховые штаны.

— Баб На... — начал он нетерпеливо и замолчал на полуслове.

Мы оба замерли, столкнувшись взглядами. Его недоуменный взгляд сменился оценивающим. В серых, как пасмурное небо, глазах разгорался интерес. Мужчина оглядел меня сверху донизу.

Нет, это был не взгляд — прикосновение, настолько осязаемым оно ощущалось. По моим плечам побежали щекочущие мурашки.

Если я что и собиралась сказать, открывая дверь, теперь забыла, что именно. Я видела этого мужчину впервые. Однако что-то внутри меня отозвалось, потянулось к нему.

Проклятая слабость не дала мне возможности разобраться с мыслями. Я слишком долго простояла на ногах. Да, это были лишь мгновения, но мое тело, подточенное болью, страхом и бегством от Роберта, не выдержало нагрузки.

Ноги сделались ватными. Колени подогнулись, и я взмахнула рукой в поисках опоры. К счастью, вторая продолжала стискивать одеяло у груди, и оно не упало, лишь слегка съехало, обнажая чуть больше кожи, чем это было позволительно.

Незнакомец перешагнул порог. Я упала бы на пол, если бы не его сильные руки, подхватившие меня словно пушинку. Едва осознавая себя, я прижалась к его груди. Мужчина уложил меня на топчан, накрыл сверху вторым одеялом, поправил его, подоткнул, чтобы я не мерзла.

— Кто ты? — спросила я судорожно, чувствуя, как не вовремя теряю сознание.

И мне показалось, что я услышала в ответ:

— Тайлер, охотник.

Проснулась я от умопомрачительного запаха жареного мяса. Во рту собралась слюна, в животе заурчало, и я вспомнила, что похлебку так и не доела.

Я открыла глаза. Похоже, спала я долго. Уже наступил вечер. Домик бабы Нави освещался масляной лампой и мерцающим огнем из печи. На плите что-то шкворчало в сковороде. Мясо? Определенно.

Баба Нави, возившаяся у плиты, обернулась.

— Проснулась? Эт хорошо. Вставай, ужин почти готов.

Я свесила ноги, коснулась ступнями прохладных шершавых досок. Наштупала валенки, которые хозяйка выдала мне чуть раньше. Вздохнула, вспоминая, почему здесь оказалась, и поморщилась — Роберт даже в мыслях не дает мне покоя.

— Тайлер заходил, мяса принес, — произнесла баба Нави и добавила: — Лучший охотник в округе. А ты должна быть ему благодарна — это он тебя той ночью спас.

— Тайлер? — Я нахмурилась. — Так кто-то все-таки приходил, мне не приснилось?

Баб Нави коротко вздохнула.

— Тайлер — мальчик хороший, но ты бы поостереглась открывать дверь кому ни попадя, а? Отворила и без чувств рухнула. Умно, по-твоему? Не приведи Всевышний, явится кто со злом.

— Подождите... Так как я сюда попала?

— Тайлер принес, говорю же. Я одна тут веда. Коли кто рожать вздумает, или горячку подхватит, или рану на охоте получит — все у меня помощи ищут. Больше не к кому идти.

— А эти чудища? Тайлер рассказал о них?

— Какие еще чудища? — удивилась старушка.

— Которые напали на нас, от которых я убежала, когда меня спас этот ваш «хороший мальчик». Кажется, он убил одного из них. Но я не уверена, все как во сне... Я вообще считала произошедшее кошмаром, пока этот охотник не пришел сюда. Еще рана эта... Нет, она-то реальна.

— Ты уверена, что тебя не волк какой-нибудь ранил? — Лицо бабы Нави стало очень серьезным.

— Точно нет. Я выросла в лесу, рысь от медведя отличаю и волков не единожды видела. А эти твари, они не похожи ни на одно животное. Они — что-то другое, страшнее и опаснее.

Я не знала, поверит ли мне баба Нави. Не сочтет ли мой рассказ бредом. И, чтобы подкрепить свои слова, предложила:

— Вы сами Тайлера спросите. Он подтвердит. И людей надо предупредить. Эти чудища с такой легкостью убивают...

Перед глазами, непрошенные, вставали картины бойни. Кровь на снегу. Разодранные тела. Крики, полные отчаяния и боли.

— Вот что, деточка. — Моего плеча коснулась сухая ладонь, вырывая из кошмара воспоминаний. — Ты прекращай себя накручивать, слезами горю не поможешь.

Я поднесла ладонь к лицу и, коснувшись щеки, ощутила влажные дорожки из слез. Лишь тогда поняла, что плачу.

— Давай-ка одевайся да садись к столу, трапезничать будем.

Я вытерла глаза краем одеяла и поднялась с топчана. Баба Нави права, плакать нет смысла. Я ничем не смогу помочь людям, которые помогли мне. Я даже не знаю, что с ними стало. Повезло кому-то еще выжить или только я избежала зубов страшных монстров.

Так, все! Я тряхнула головой, прогоняя навязчивые мысли. Мне удалось выжить — это самое главное. Нужно обязательно поблагодарить Тайлера при следующей встрече, без него меня бы здесь не было.

Я открыла сундук, в котором баба Нави хранила одежду.

— Бери, что по вкусу придется, девочка, — кивнула она, снимая сковородку с плиты. Переложила ароматные куски мяса в глиняную плошку, достала краюху свежего хлеба.

Я слотнула слюну и откинула крышку сундука. Сначала надо одеться, потом ужинать. Хватит уже голышом по избушке расхаживать. Как выяснилось, гости тут бывают чересчур часто.

Сундук был доверху набит платьями, юбками, платками и чулками. Все вещи простые, без изысков, но прочные и удобные. Ткани в основном серые и коричневые либо вовсе некрашенные. Я выбрала льняную рубаху до колен, к ней надела удобную юбку, едва достигающую щиколоток, шерстяные чулки и свитер грубой вязки с высоким горлом.

— Носочки шерстяные еще надень, — посоветовала баба Нави, — сквозняки по полу гуляют. Никак щели не замажу.

Я послушно натянула на ноги теплые носки и сверху — короткие валенки, к которым уже успела привыкнуть.

Рана на бедре отдавала тянущей болью при каждом движении. Впрочем, лечение травяным отваром явно дало свои плоды: уже не было ощущения, что кровь кипит внутри, сжигая ногу до кости. Да и слабость понемногу отступала, если мне не кажется.

Я заняла свое место за столом и тут же поняла, что рано обрадовалась тому, что слабость отступает. Сил хватило только на одевание и на то, чтобы добраться до стола. Снова потянуло в сон.

— Ничего, деточка, сейчас покушаешь и спать обратно ляжешь. Тебе отдыхать нужно, силы восстанавливать.

Со мной так уже давно никто не говорил. По-доброму, с теплотой и заботой. После смерти мамы я осталась совсем одна, а это чувство оказалось невыносимым. Настолько, что я выскочила замуж за первого, кто обещал заботиться обо мне. Жаль, что этим первым оказался именно Роберт — мужчина эгоистичный, жестокий и абсолютно равнодушный к чувствам других. Я, наивная дурочка, даже не попыталась узнать его для начала, повелась на красивые слова, вот и оказалась... в лесной избушке бабы Нави.

Мясо было потрясающим. С зажаренной корочкой, сочное внутри. К нему хозяйка подала квашеной капусты и соленых огурцов. После ужина баба Нави велела мне выпить еще кружку лечебного отвара. На этот раз я приняла лекарство из ее рук без возражений. Уже знала: здесь меня не обидят.

— А теперь спи, — велела она. — Утром разбужу, повязку сменю, прежде чем уйти.

— Куда вы уйдете? — вскинулась я, хотя полминуты назад глаза у меня закрывались сами собой. — Вы не поверили в мои слова о чудовищах? Я говорила правду, клянусь! Спросите у Тайлера, если не верите мне.

— Тихе, тихе. — Баба Нави села на край моей постели, мягко погладила меня по голове, как это делала мама. — Тайлера спрошу обязательно, надо разузнать про этих твоих чудовищ. Вот только его не найти, пока он сам не явится. Никто не знает, где дом охотника. Знаю лишь, что в лесу где-то. Тайлер людей сторонится, да и не болтливый совсем. Слова, что произносит при встрече, по пальцам пересчитать можно.

ГЛАВА 7

— И как же быть?

Мне твари виделись главной проблемой, проблемой первостепенной важности. Отношение бабы Нави к их появлению у проезжего тракта, пусть и не самого популярного, казалось легкомысленным. Я думала, что нужно срочно бить в колокола. Оповестить людей, сообщить властям, чтобы собрали отряды загонщиков и перебили чудищ.

Это же так опасно. Нельзя ходить в лес. Да и этот бревенчатый домик — сможет ли он защитить нас, если твари придут сюда?

Я высказывала лекарке свои соображения. Быстро, не всегда внятно, почти задыхаясь. А она смотрела на меня спокойно и все продолжала гладить меня по волосам. На ее лице не было ни капли страха.

— Мы все решим, — пробормотала она. — Спи.

Закрыв глаза, я снова видела перед собой маму. Только не слабую, уже больную, с одышкой, бледностью и чудовищной худобой. В моем сне она была здоровой и сильной. Обнимала меня, обещала, что никогда не покинет. А я прижималась лицом к ее груди, вдыхая родной аромат.

— Мамочка, как хорошо, что ты вернулась. Не бросай меня больше, пожалуйста. Без тебя плохо. Я все делаю не так...

Вместо ответа мама запела колыбельную, и я уплыла в глубокий сон без сновидений.

Разбудили меня негромкие голоса.

— Когда, говоришь, следы в первый раз увидел? — Это баба Нави. Ее слегка дребезжащий по-старушечьи голос было сложно не узнать.

— Четыре дня назад.

Собеседником был мужчина с приятным, чуть хриловатым баритоном.

Кажется, я его уже слышала. Я предпочла делать вид, что еще сплю, стараясь не шевелиться и дышать потише. Так и разговор услышу, и определю обладателя приятного голоса.

Конечно, я знала, что подслушивать нехорошо. Несмотря на то, что мы жили в лесу, мама прививала мне хорошие манеры и обучала правилам поведения в обществе. Но я не собиралась использовать услышанное кому-либо во вред. Мне бы только узнать, кто пришел к хозяйке хижины. Тайлер это или кто-то другой.

К тому же спальную часть домика баба Нави отделила занавеской из плотной ткани. Сквозь нее меня не было видно. Впрочем, и мне их тоже.

— Четыре дня? — переспросила хозяйка. — Долго. Напали первый раз только позавчера?

— Раньше, — ответил мужчина.

— Опять проезжие? Из наших вроде никто не пропадал.

— Синий Герд.

— Может, он в лесной заимке от жены хоронится, как обычно? Как протрезвеет, домой и явится.

— Не явится.

— Тело нашел?

— Кровь только. Тела они уносят.

Мужчина цедил слова по одному, нехотя, словно экономил, заставляя себя выталкивать их через силу. Вспомнилось вчерашнее описание Тайлера, данное бабой Нави. Старушка говорила, что он молчалив и сказанные им слова можно пересчитать по пальцам.

Сейчас он говорил больше, но лишь потому, что баба Нави его активно расспрашивала. Едва ли не пытала.

Я подумала, что надо бы встать. Одеться и выйти, чтобы наконец нормально поздороваться со своим спасителем и поблагодарить его. Он то в полусознательном состоянии меня видел, то полуголой. Сейчас я в себе, есть одежда, пора уже познакомиться по-человечески.

Но что-то заставляло меня робеть и тихонько лежать за занавеской, продолжая слушать чужой разговор.

— Куда уносят? — спросила баба Нави.

Ответа не последовало. Видимо, Тайлер не склонен строить пустые догадки. Говорит только то, что знает наверняка.

Это качество в мужчинах мне нравилось. После Роберта, оказавшегося мастером пустых обещаний и лживых слов, я предпочитала общение с честными людьми.

А ведь мама говорила, что судить нужно не по словам, а по поступкам. И как я умудрилась забыть все ее наставления? Помни я о них, не угодила бы в смертельную ловушку под названием «брак с Робертом».

Ладно, хватит себя корить. Буду считать последние несколько месяцев ценным жизненным уроком. Очень дорогим, поскольку супруг забрал все мое состояние.

Ничего, моя мама сумела оставить прошлое позади и начать все заново. И я смогу. Я тоже преуспею в жизни, как и она. И не стану ни о чем жалеть.

— Не спит, — произнес Тайлер.

Я напряглась. Как он узнал? Видеть меня он точно не мог. Я не двигалась, почти не дышала, ловя каждое слово. И все-таки он понял, что я не сплю.

— Проснулась, деточка? — Проскрипели половицы, занавеска отодвинулась, являя морщинистое лицо старушки. — Вставай, позавтракаешь, да я повязку тебе сменю. Тут Тайлер пришел, справиться о твоём здоровье. Пусть сам увидит, как ты себя чувствуешь.

Она вернулась в кухню. Из-за занавески раздался сдавленный звук, то ли кашель, то ли смешок. Кажется, слова бабы Нави стали неожиданностью для самого охотника.

Я оделась, подошла к занавеске и замерла с занесенной рукой. Вроде ничего страшного — выйти, поклониться своему спасителю, искренне поблагодарить. Однако я оробела.

Постояв так несколько минут, я глубоко вдохнула, резко отдернула занавеску и обнаружила, что Тайлер смотрит прямо на меня. Встретив мой взгляд, он удержал его на одно долгое мгновение, а затем отвернулся.

— Доброе утро, — поздоровалась я и, поспешно накинув телогрейку, вышла во двор, где у бабы Нави располагались удобства.

На мой взгляд, неосмотрительно устраивать их во дворе, когда живешь посреди леса. Да и зимой опять же холодно. А учитывая, что в горах снег лежит по полгода или больше, и вовсе неразумно.

В избушку я вернулась почти бегом, прижалась к теплому печному боку.

Баба Нави начала накрывать на стол. Охотник поднялся, чтобы уйти, но она его задержала.

— Поешь с нами, Тайлер, — попросила старуха.

Я была уверена, что он откажется. Но Тайлер бросил на меня быстрый взгляд и остался сидеть за столом.

— Коуж-то сними и руки вымой. — Баба Нави тут же принялась распоряжаться, и не только охотником. — Деточка, полей Тайлеру на руки.

Я как раз зачерпнула воды из большой деревянной бочки, собираясь умыться.

Пришлось ждать. Я наблюдала, как охотник снимает теплый коуж, оставаясь в свитере грубой вязки и меховых штанах. Сам он, высокий и крупный, с широкими плечами, занимал большую часть пространства маленькой хижины.

А когда подошел ближе, и вовсе стало тесно. Будто скала встала рядом, почти прижимая меня к стене. Тайлер вытянул ладони, задержал их над оловянным тазом. Я полила на них немного, затем подала ему горшочек с мыльным корнем.

Близость охотника смущала. Мое желание быть вежливой и поблагодарить за спасение вдруг забылось. Я судорожно сжимала деревянную ручку ковша, смотрела, как льется ручейком вода, разбиваясь о широкие мозолистые ладони. И не решалась поднять взгляд.

Тайлер, по-прежнему не говоря ни слова, отряхнул руки и уже собрался вытереть их об одежду. Лишь тогда я встрепенулась. Полотенце! Протянула ему полотняный отрез с неподрубленным краем. И когда наши пальцы встретились на ткани, подняла взгляд.

Глаза цвета грозового неба смотрели на меня выжидающе. И я вспомнила — точно, благодарность.

— Тайлер... — попыталась сказать я, но во рту пересохло от волнения.

Голос выходил чужим, осипшим, будто я больна. Пришлось сначала откашляться. Все это время охотник смотрел на меня и ждал. Из-за ужасающей неловкости я покраснела, ругая себя за трусость. Ну что за мямля!

Ругательства помогли. Рассердившись на себя, я осмелела. Решительно подняла голову и посмотрела охотнику в глаза.

— Тайлер, я очень благодарна вам за спасение моей жизни. Если я смогу что-то сделать для вас, выразить свою признательность, только скажите.

— Ничего не нужно, — ровно ответил он.

Вытер ладони свободным краем полотенца, которое я по-прежнему продолжала стискивать, и отошел.

Быстро умывшись холодной водой, я села за стол. На завтрак хозяйка выставила вчерашнее мясо и соленья. Еще хлеб, уже слегка подсохший и не такой душистый, но не менее вкусный. Запивали еду горячим отваром.

У бабы Нави в избушке висело множество сухих букетов из трав — под самым потолком, куда не достает влага, поэтому тут витал травяной дух.

— Ты меня погоди, следы покажешь, — допивая отвар, велела старушка.

— Снаружи подожду, — не оборачиваясь, ответил Тайлер, прежде чем выйти за дверь.

Баба Нави довольно хмыкнула и приказала уже мне:

— Сиди, рану проверю.

Я подняла подол юбки, осторожно стянула чулок, чтобы не повредить повязку.

— Не трожь. — Она легонько шлепнула меня по руке, потянувшейся за ножом, чтоб разрезать бинты. — Сама сниму.

Нашла затянутый ею же самой узел и начала распутывать, попутно поясняя мне:

— Полотна тута лишнего нету. Ткет в деревне одна только Симаида, а ей, почитай, уж восемьдесят годков. Старая стала. День поткет, неделю лежит. А коли завьюжит, то и две. Хотела она внучку приспособить к ремеслу своему, да та о прошлом годе померла от горячки. Другую ученицу теперь пока найдет, да и успеет ли обучить. Так что беречь полотно надо. А бинты можно выстирать и заново пользоваться. Учись бережливости, коли остаться вздумаешь.

— Я поняла, — ответила я вежливо.

О том, чтобы остаться у бабы Нави, я прежде не задумывалась. Как и вообще о том, что делать дальше.

Попытаться еще раз поехать к отцу? Попросить его о помощи? Для этого нужно пересечь горы. В прошлый раз я ехала в карете по тракту, с кучером, служанкой и стражей. Мама не одобряла мое желание познакомиться с отцом, однако снабдила деньгами на дорогу. Она почти не отговаривала меня, знала, что бесполезно, но, думаю, предвидела реакцию отца на мое появление. Он даже не вышел, отправил свою жену, которая не пустила меня дальше ворот. Сообщила, что мне здесь не рады, и велела больше не появляться.

Конечно, он мог спать, лежать в беспмятстве или вовсе отсутствовать и даже не знать о моем приезде. Так Тиара, моя горничная, утешала меня на обратном пути. Однако мы обе понимали — это маловероятно. Отец просто не желал меня видеть. Так же, как двадцать лет назад он не захотел слышать, что у него скоро родится дочь. И даже не подумал не то что жениться — даже позаботиться о моей беременной матери.

Я очень долго ждала встречи с ним, желала доказать, как сильно он ошибся тогда. Думала, он увидит меня и пожалеет о своем решении.

Что ж, я была не права.

Много лет почти не вспоминала об отце, да и сейчас подумала о нем лишь потому, что забралась высоко в горы. А он находится по другую сторону хребта, и сейчас я ближе к его дому, чем к своему... то есть к тому, который был моим до замужества.

Но даже если бы я собралась просить отца о помощи, все равно не смогла бы добраться до него. У меня нет ни денег, ни кареты с кучером. К тому же здесь лес и сугробы и неведомые монстры нападают на людей. Живой на ту сторону я одна не перейду. Мне нужен опытный проводник, который знает горные тропы, сумеет меня защитить в пути и вдобавок сделает все это бесплатно.

В общем, поход к отцу несбыточен по многим причинам.

Баба Нави не против, чтобы я осталась. Может, не навсегда, на какое-то время, пока я не приду в себя и не решу, что делать дальше.

— Вы правда хотите, чтобы я осталась? — На всякий случай я решила уточнить. Вдруг старушка сказала это из вежливости или вообще не подумав.

— Я буду рада, если ты надумаешь остаться. — Баба Нави отвлеклась от разматывания бинтов и посмотрела на меня. — Мне ж тоже годков уже много. Скоро на тот свет идти, а знания передать некому. Вот я и сочла, что тебя провидение послало.

— Почему?

— Тебе некуда возвращаться и нужно спрятаться. — Старушка сняла бинт, оставив на ране лишь корпию, и принялась его сматывать, делая виток на каждый счет.

— Откуда вы знаете? — Подробностей своей жизни я не рассказывала. Разве что в беспмятстве. — Я бредила?

— Нет, — усмехнулась баба Нави. — Я беглецов за версту чую. Взгляд у вас затравленный. Кто тебя ищет? Отец? Брат? Муж?

Я потупила взгляд.

— Значит, муж, — кивнула себе старушка. — То-то ты на Тайлера так жадно смотришь. Он надежный, не обидит слабого, и защитить может. Тут ты не ошиблась.

Я едва не вскочила, забывшись. Бабе Нави пришлось надавить мне на бедро, чтобы я осталась сидеть и не скинула корпию на пол.

— Да я, если хотите знать, сбежала от мужа, потому что он продал меня своему знакомому. Устроил аукцион, мерзавец, кто даст большую цену. Держал меня голой перед своими друзьями, а до этого получил права на владение всем моим имуществом!

Я почувствовала, как на глазах выступают слезы, и не стала их сдерживать.

— Роберт убил бы меня на охоте, устроил бы несчастный случай и остался бы богатым вдовцом. — Я зло вытерла мокрые щеки, шмыгнула носом и с укоризной добавила: — А вы говорите, на Тайлера смотрю. Да не нужны мне сейчас никакие мужчины!

— Ш-ш, теперь все хорошо, деточка, здесь ты в безопасности. — Баба Нави погладила меня по руке. — В его прошлом тоже много боли и предательства. Он не рассказывал сам, но я и без того знаю. Баба Нави читает людские души. Если решишь остаться, то и тебя научу. Охотнику ты тоже по нраву пришлась.

Закончила она и вовсе неожиданным. Я? Пришлась по душе Тайлеру?

Я попыталась вспомнить все подробности нашего недолгого общения и пришла к выводу, что на этот раз бабушка ошиблась.

Думала, она продолжит и объяснит, почему решила, что я понравилась охотнику. Однако баба Нави наконец смотала бинт, отложила его в сторону и приподняла корпию, показав мне.

— Видишь? Я пропитала ее целебной мазью, которая вытягивает любые яды, даже самые сильные. — Низ льняной ветоши был отвратного буро-зеленоватого цвета. — Тот, кто на тебя напал, все-таки не был простым зверем. В нашем лесу есть ядовитые змеи и пауки, но они опасны только летом, а зимой спят в глубоких норах под толстым слоем снега.

По спине и плечам побежали холодные мурашки.

— И кто же на меня напал? Вы расспросили охотника?

— Ничего пока не знаю.

ГЛАВА 8

Я наблюдала, как лекарка обмакивает новую корпию в горшочек с целебной мазью, проводит ею по всей длине кривого разреза у меня на бедре. Рана выглядела жутковато, но я знала, что в первые дни всегда так. Главное, воспаления нет. Лечение бабы Нави хорошо помогало.

— Спасибо вам, — проговорила я.

— Я рада, что тебе удалось выбраться невредимой. Муж дурной попался — не беда. Случается. Новый лучше будет. — Баба Нави улыбнулась, глядя на мое вытянувшееся лицо. — Вот и все. Отдыхай.

Она завязала концы чистого бинта, спрятала их под повязку и поднялась с табурета. Я смотрела, как старушка надевает теплый платок, шерстяную поддевку, валенки.

— Что мне делать, пока вас нет?

Спать не хотелось. Вчера я выспалась на неделю вперед. Чувствовала себя вполне сносно. Хотелось не просто чем-то заняться, но и помочь бабушке, отблагодарить хоть так за мое спасение.

— Отдыхать и поправляться, — отозвалась она. Уже у двери добавила: — Покушать захочешь — мясо доешь. Я вернусь, сварю еще.

Дверь за ней захлопнулась, обдав напоследок холодным воздухом ноги. Я осталась одна. За окошком проскрипел снег в такт шагам. Я не выдержала и прильнула к покрытому узорами стеклу, в центре которого светлело небольшое пятнышко.

Бабу Нави почти не было видно — она шла впереди, и ее закрывала крупная фигура Тайлера. Он двигался легко, словно хищный зверь — напряженный и всегда готовый к прыжку. Красивый зверь, притягательный и опасный для зазевавшихся серых мышек, к которым я всегда себя относил.

Неудачное замужество еще сильнее подточило мою уверенность в себе. Впрочем, это все уже неважно. Что бы ни говорила баба Нави, я не собираюсь класть глаз на Тайлера. Он мне даже не нравится. Ну так, чисто внешне. Так я могла бы любоваться на грациозную рысь или с виду неповоротливого медведя.

Когда они ушли, я внимательнее оглядела избушку. Просторная кухня, она же столовая и гостиная, и отделенная занавеской спальня. Удивительно, что у бабы Нави в домике оказалось две лежанки. Видимо, до меня здесь кто-то уже жил.

При свете дня стало заметно, что кое-где осыпались травинки из пучков, по углам скопилась пыль, а под потолком — паутина.

Нога еще болела, но, если не спешить и не перенапрягаться, уборку я вполне осилю. Я взяла метлу на длинной палке и начала сметать паутину с потолка. В домике стояла тишина, только прутья ритмично шуршали по потолку и стенам. Сама не заметив, в какой момент, я начала напевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.